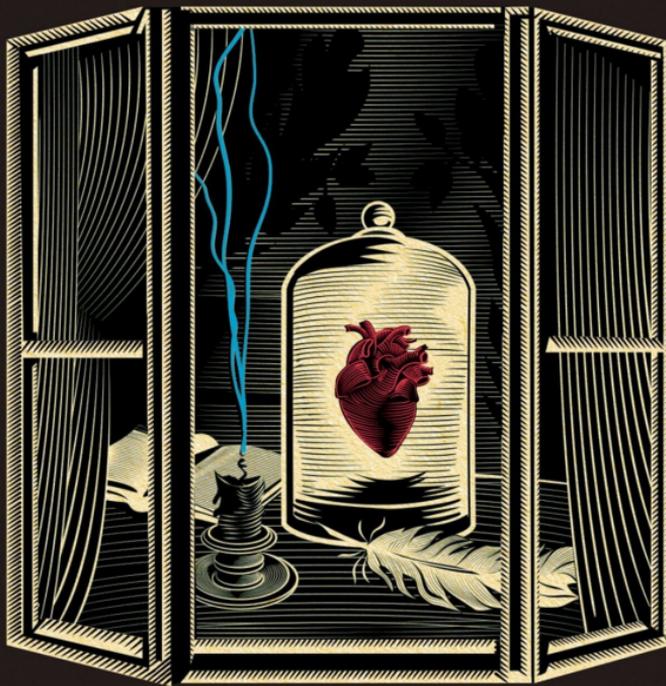

INSPIRIA

ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО

ЛУИ БАЙЯР

INSPIRIA

Луи Байяр
Всевидящее око
Серия «Ток. Национальный
бестселлер. США»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157344

Всевидящее око: Эксмо, Домино;

ISBN 978-5-04-172045-2

Аннотация

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР США.

Скоро фильм от NETFLIX с КРИСТИАНОМ БЭЙЛОМ и ДЖИЛЛИАН АНДЕРСОН!

Это расследование оставит неизгладимый след в его душе. А он оставит след в душах многих поколений...

Эдгар Аллан По считается создателем западного детектива. Но что, если этот жанр – не плод его живого воображения, а результат невероятных событий, пережитых в молодости? Невероятных и неизвестных...

1830 год, Вест-Пойнт, Военная академия США. Октябрьским вечером найден повесившийся кадет Лерой Фрай. Событие крайне скверное, но все же не за рамками понимания. Пока кто-то не выкрадывает труп Фрая и не вырезает у него сердце, с глубоким знанием дела вскрыв грудную клетку...

Руководство академии обращается за помощью к живущему неподалеку Огастесу Лэндору – ушедшему на покой нью-йоркскому сыщику, о чьем умении читать людей ходят легенды. Рыская по Вест-Пойнту в поисках зацепок, Лэндор неожиданно находит себе толкового помощника в лице одного курсанта. Тот эмоционально нестабилен, болезненно самолюбив, исповедует странные идеи и является воплощением дисциплинарных нарушений. Но имеет обширные знания, потрясающую интуицию, нестандартную логику и острый глаз.

Его зовут Эдгар Аллан По. И он почему-то твердо убежден, что за кошмарным надругательством стоит... поэт.

«Высший пилотаж... Глубокий и напряженный роман. Этот прекрасно написанный триллер на голову выше других попыток художественно осмыслить биографию По». – Publishers Weekly

«Невероятно умно и чрезвычайно дельно. Читаешь как утерянную и обретенную классику. Байяр вдохнул новую жизнь в историческую прозу, показывая XIX век так, будто жил в нем». – New York Times

«Заслуга Байяра не только в том, что он описывает место и время действия, создавая жуткую атмосферу в лучших традициях своего героя, но и в том, что По на этих страницах столь убедителен, словно мы слышим его подлинный голос». – Washington Post

«По, который был крайне взыскательным литературным критиком, впечатлился бы интеллектом и писательским мастерством Байяра». – Oregonian

«Великолепный сюжет, полное погружение. А на такую шокирующую концовку мало кто из романистов способен». – The Sunday Times (London)

«Байяр – писатель выдающегося дарования. Его язык, воображение, невероятная смесь дерзости и мастерства свидетельствуют: у нас на глазах крепнет новый огромный талант». – Джойс Кэрл Оутс

«Байяр написал первоклассный триллер, полный отсылки к Конан Дойлю и самому По; здесь лучится великолепным языком каждая страница. Его По – именно такой, каким мы могли бы представить писателя в молодости: удивительный, странный, даже слегка пугающий». – Дастин Томасон

«Оглушительное и достойное самого По посвящение ему; и дело не только в мастерстве, с которым реализован сюжет этой готической головоломки, но и в том, как выписан характер будущего великого писателя. Обворожительная печальная повесть, созданная не боящимся риска автором». – Лора Липпман

«Байяр искусно вплетает в повествование мотивы из творчества По, полностью захватывая нас». – New York Observer

«Байяр продемонстрировал великолепное владение стилем века, о котором он пишет, не принеся в жертву динамичности и напряженности. Остросюжетная литература высшей пробы». – Historical Novels Review

«Байяр создал тонкую, великолепно выписанную вещь, достойную самого нашего классика, его героя». – Baltimore Sun

«Поразительно оригинальный портрет великого писателя. Захватывает ум тонкими нюансами и будоражащей историей». – Denver Rocky Mountain News

Содержание

Завещание Гаса Лэндора	7
Повествование Гаса Лэндора	12
1	12
Повествование Гаса Лэндора	21
2	21
Повествование Гаса Лэндора	38
3	39
Повествование Гаса Лэндора	61
4	61
Повествование Гаса Лэндора	76
5	77
Повествование Гаса Лэндора	91
6	91
Повествование Гаса Лэндора	107
7	107
Повествование Гаса Лэндора	127
8	127
Повествование Гаса Лэндора	147
9	147
Повествование Гаса Лэндора	164
10	164
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Луи Байяр

Всевидающее око

© Павлычева М.Л., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2022

Посвящается А. Дж.

Скорбь по усопшим – единственная скорбь, с которой мы не желаем расстаться.

Вашингтон Ирвинг «Сельские похороны»

*Меж черкесских садов благодатных,
У ручья, что испятнан луной,
У ручья, что расколот луной,
Атенийские¹ девы внезапно
Ниц упали одна за одной.
Там скорбела навзрыд Леонора,
Содрогалась от воплей она.
И взяла меня в плен очень скоро
Диких глаз ее голубизна,
Эта бледная голубизна².*

¹ Атений – изначально: святилище Афины.

² *Здесь и далее:* за исключением обозначенных случаев, перевод стихов выполнен Г. Буровиным.

Завещание Гаса Лэндора

19 апреля 1831 года

Через два-три часа... Трудновато определить... Наверняка через три или самое большее через четыре... Короче говоря, не позже чем через четыре часа я буду мертв.

Я говорю об этом, потому что появилась возможность увидеть вещи под другим углом. В последнее время, к примеру, меня стали интересовать мои пальцы. А также – немного покосившаяся самая нижняя планка в жалюзи. И побег глицинии, что за окном, – он растет в сторону от основного стебля и болтается, как веревка на виселице. Раньше я этого не замечал. Есть и еще кое-что: прошлое надвигается со всей мощью настоящего. Все люди, что окружали меня, разве они не толпятся вокруг? Интересно, что мешает им сталкиваться лбами? Вон, у очага, ольдермен из Гудзон-парка; рядом с ним моя жена в фартуке, она ссыпает золу в банку. А кто это наблюдает за ней? Да это мой лабрадор-ретривер. Дальше по коридору моя мать – она никогда не переступала порог этого дома: умерла, когда мне еще не было двенадцати, – гладит мой выходной костюм.

Что любопытно – ни один из гостей не заговаривает с другими. Они строго придерживаются этикета, и я не в силах изменить правила.

Правда, должен отметить, не все следуют правилам. В те-

чение последнего часа мое ухо терзал – по сути, рвал на части – некто Клодиус Фут. Пятнадцать лет назад я арестовал его за ограбление почты Рочестера. Какая несправедливость: у него было трое свидетелей, которые клялись, что в тот момент он грабил почту Балтимора... Фут тогда пришел в ярость, вышел под залог, исчез из города, вернулся полгода спустя и, помешавшись из-за холеры, бросился под колеса пролетки. Болтал до смертного порога. И сейчас все еще болтает.

О, это целая толпа, вот что я скажу. Я то обращаю на нее внимание, то нет – в зависимости от настроения, в зависимости от угла, под которым солнечный свет падает в комнату. Должен признать, что иногда мне хотелось бы побольше общаться с живыми, но в последнее время они приходят все реже. Пэтси больше не появляется... Профессор Папайя сейчас в Гаване, измеряет тамошние головы... А что до... *него*... Ради чего *ему* возвращаться сюда? Я могу звать его только мысленно, и как только это делаю, я начинаю слышать наши беседы. Сегодня вечером, например, мы обсуждали душу. Я не убежден, что она у меня есть; он же считает наоборот. Было бы забавно и дальше слушать его рассуждения, если б он не был так ужасно серьезен. С другой стороны, никто никогда не давил на меня в этом вопросе, даже собственный отец (пресвитерианский³ проповедник, он был слишком

³ Пресвитерианство – направление протестантизма, основанное на шотландской версии кальвинизма.

занят душами своей паствы, чтобы грубым ботинком наступать на мою). Снова и снова я говорил: «Ну, может, вы и правы». От этого он только сильнее распалялся. Заявлял мне, что я уйду от темы, требуя эмпирического подтверждения. А я спрашивал: «В отсутствие такового подтверждения что еще я могу ответить, кроме “Может, вы и правы”?» Так мы и ходили по кругу, пока однажды он не сказал: «Мистер Лэндор, придет время, когда ваша душа обернется и окажется с вами лицом к лицу в самом эмпирическом виде: когда будет отлетать от вас. Вы будете цепляться за нее, но тщетно! Так разглядите же ее сейчас, как она расправляет орлиные крылья в своем диком гнезде».

М-да, он такой фантазер... Совершенно невоздержанный притом. Что до меня, то я всегда предпочитал факты метафизике. Надежные, простые и твердые факты. Именно факты и выводы и станут основой этой истории. Потому что они стали основой истории моей жизни.

Однажды ночью, через год после моей отставки, дочь услышала, как я разговариваю во сне, – она вошла и обнаружила, что я допрашиваю подозреваемого, который уже двадцать лет как мертв. «Угол не обтешешь, – говорил я. – Вы же понимаете это, мистер Пирс». Тот тип расчленил тело своей жены и скормил его по кускам стае сторожевых псов на складе в Баттери. В моем сне его глаза покраснели от стыда; он очень сожалел о том, что отнимает у меня время. Помню, я сказал ему: «Если это не вы, то должен быть кто-то другой».

В общем, именно тот сон и заставил меня увидеть: от призывания никуда не денешься. Можно спрятаться в Гудзонские горы, можно отгородиться книгами, цифрами и тросточками для прогулок... работа все равно найдет тебя.

Я мог бы убежать. Вполне мог убежать чуть глубже в глухие дебри. Честное слово, не понимаю, как позволил уговорить себя и согласился вернуться к работе, хотя иногда кажется, что все произошло – все это – только ради того, чтобы мы нашли друг друга, *он* и я.

Однако строить догадки и предположения смысла нет. Есть история, которую я собираюсь рассказать, есть жизни, за которые я в ответе. А так как эти жизни во многих отношениях были закрыты для меня, я, где это необходимо, буду уступать место другим рассказчикам; в частности, моему юному другу. Он – истинная душа этой истории, и каждый раз, когда я пытаюсь представить, кто первым прочитает ее, у меня перед глазами сразу встает он. Именно его пальцы скользят по строчкам и колонкам, именно его глаза разбирают мой почерк.

О, я понимаю, мы не можем выбрать, кто прочтет нас. Поэтому ничего не остается, кроме как утешаться мыслью о незнакомце – еще не родившемся, если я правильно понимаю, – который найдет эти записи. И это тебе, мой Читатель, я посвящаю свое повествование.

Пожалуй, перечитаю-ка я все еще раз. Последний. Олдер-

мен⁴ Хант, будьте любезны, подкиньте еще полено в огонь...
Начнем.

⁴ Олдермен – в США обычно член муниципального совета или другой ключевой муниципальной структуры.

Повествование Гаса Лэндора

1

Начало моего профессионального участия в деле академии Вест-Пойнт датируется двадцать шестым октября тысяча восемьсот тридцатого года. В то утро я вышел на свою обычную прогулку – хотя чуть позже, чем всегда – по холмам, окружающим Баттермилк-Фоллз. Помню, стояло бабье лето. Листья, даже опавшие, отдавали тепло, которое поднималось вверх – я чувствовал его сквозь подошвы, – и золотило туман, окутывавший фермерские постройки. Я шел один, следуя по тропинкам, серпантинном вившимся по холмам... Тишину нарушал скрип моих башмаков, лай собаки Дольфа ван Корлера и, думаю, мое учащенное дыхание – в тот день я поднялся довольно высоко. Я вышел к гранитному мысу, который местные называют Пяткой Седраха, и привалился к тополю, готовясь к финальному рывку, когда вдали, к северу, услышал звук валторны.

Этот звук я слышал и раньше – невозможно жить рядом с академией и не слышать его, – но в то утро он отдался у меня в ушах странным жужжанием. Впервые этот инструмент вызвал у меня удивление. Разве звуки валторны могут разноситься так далеко?

Как правило, такие вопросы меня не занимают. Я не стал бы забивать тебе, Читатель, этим голову, если б не хотел показать, в каком состоянии ума я находился. Дело в том, что в обычный день я бы не задумался о валторне. Не повернул бы назад, не добравшись до вершины, и гораздо быстрее заметил бы следы колес.

Две колеи, каждая в три дюйма глубиной и в фут шириной. Я увидел их, когда шел домой, но отмахнулся, как и от всего остального: от солнца, от стаи гусей. Реалии окружающего мира как бы перетекали одна в другую, так что я лишь мельком глянул на эти колеи и ни разу (что нехарактерно для меня) не прошелся по цепочке причинно-следственной связи. Поэтому представьте мое удивление, когда я, перевалив через холм, увидел на площади перед своим домом фаэтон с запряженным в него конем караковой масти⁵.

На козлах сидел молодой артиллерист, но мой натренированный взгляд, сразу определивший звание, уже обратился на мужчину, прислонившегося к экипажу. В полной военной форме, он... словно позировал для портрета. Его с головы до ног окутывало сияние: начищенные до блеска золотистые пуговицы, позолоченный шнур на кивере, позолоченная рукоять сабли. Затмивший солнце – вот таким я его воспринял и, побуждаемый своим состоянием ума, на мгновение задался вопросом, а не связан ли он с валторной. Как-никак, прозвучала музыка, а потом появился этот человек.... И все

⁵ Караковая масть – самый темный оттенок гнедой (коричневой) масти.

равно отчасти я стал – очень хорошо помню это ощущение – расслабляться, подобно тому, как кулак распадается на части: пальцы и ладонь.

У меня хотя бы было преимущество: офицер не знал, что я рядом. Дневная леность уже одолела часть его энергичности. Он играл с вожжами, перекидывая их из стороны в сторону, словно повторяя движения лошадиного хвоста. Глаза полуприкрыты, голова клонится вниз...

Возможно, так продолжалось бы довольно долго – я бы наблюдал за ним, не замечаящим наблюдения, – если б нас не прервала третья сторона. Корова. Большая, толстая, с длинными ресницами; вышла из платановой рощи, слизывая с губ остатки клевера. Она тут же принялась обходить фаэтон – с редчайшей тактичностью, словно предполагая, что молодой офицер сочтет нужным вмешаться. Этот самый офицер сделал шаг назад, будто готовясь к нападению, и его рука мгновенно легла на рукоятку сабли. Думаю, именно вероятность убийства (чьего?) и побудила меня к действию: я длинным шагом двинулся вниз по склону и закричал:

– Ее зовут Агарь⁶!

Он был слишком хорошо обучен, чтобы резко обернуться, этот офицер. Лишь слегка повернул голову в мою сторону, не меняя позы и не ослабляя внимания.

– Во всяком случае, она откликается на это имя, – сказал

⁶ Агарь – библейский персонаж, служанка и наложница Авраама, изгнанная из его дома вместе с рожденным от него сыном Измаилом.

я. – Пришла сюда через несколько дней после меня. Никогда не признавалась, как ее зовут, поэтому я сам дал ей имя.

На его губах появилось подобие улыбки. Он сказал:

– Замечательное животное, сэр.

– Корова-либералка. Приходит, когда хочет, и уходит тоже. Без обязательств.

– Ясно. Вот вы... Я тут подумал: а что, если...

– Да-да: если бы все женщины были такими.

Молодой человек оказался не таким уж молодым, как мне показалось. Ему точно перевалило за сорок, года на два, не меньше; он был всего на десять лет моложе меня и все еще служил, выполняя разные мелкие поручения. Однако это поручение являлось для него не мелким. Оно заставило его по-добраться и распрямить плечи.

– Вы Огастес Лэндор, сэр? – спросил он.

– Да.

– Лейтенант Медоуз, к вашим услугам.

– Рад встрече.

Он откашлялся, причем дважды.

– Сэр, я здесь, чтобы сообщить вам, что суперинтендант Тайер просит у вас об аудиенции.

– Какого рода аудиенции? – спросил я.

– Я не вправе говорить, сэр.

– Да, конечно. Она касается профессиональных вопросов?

– Я не вправе...

– Тогда позволю себе спросить: когда эта аудиенция состоится?

– Немедленно, сэр. Если вы соблаговолите.

Сознаюсь, красота дня никогда не очаровывала меня так, как в тот момент. Легкая дымка в воздухе, столько редкая для конца октября. Туман, укутавший предгорья. Дятел, выбивающий дробь на сером клене. Никуда бы не ехать...

Я тростью указал на свой дом.

– Лейтенант, вы уверены, что не хотите выпить кофе?

– Нет, сэр, спасибо.

– Я мог бы поджарить ветчины, если вы...

– Нет, я уже ел. Спасибо.

Я повернулся. Шагнул к дому.

– Лейтенант, я приехал сюда в связи с состоянием своего здоровья.

– Прошу прощения?

– Мой врач сказал, что для меня это единственный шанс дожить до преклонных лет: я должен перебраться повыше. В горы. «Уезжайте из города», – сказал он.

– Гм.

Эти его блеклые карие глаза. Этот его приплюснутый белый нос.

– И вот я здесь, – продолжал я. – Олицетворение здоровья.

Он кивнул.

– Не знаю, согласитесь ли вы со мной, лейтенант, что здоровье ценится весьма высоко?

– Не могу сказать. Возможно, вы правы, сэр.

– Лейтенант, вы выпускник академии?

– Нет, сэр.

– О, значит, прошли трудный путь... Поднялись по служебной лестнице, да?

– Все верно.

– Что до меня, то я никогда не учился в колледже, – сказал я. – Раз я не испытываю особой тяги к пастырству, какой смысл в дальнейшем обучении? Вот так считал мой отец – так считали все отцы в те времена.

– Понимаю.

Полезно знать вот что: правила ведения допроса неприменимы к обычному разговору. В обычном разговоре говорящий слабее слушающего. Однако в тот момент я не был достаточно силен, чтобы пойти другим путем. Поэтому пнул колесо фаэтона.

– Странное средство передвижения, – сказал я, – чтобы привезти одного человека.

– Это все, что было в наличии, сэр. И мы не знали, есть ли у вас собственная лошадь.

– А что, лейтенант, если б я решил не ехать?

– Ехать или нет, мистер Лэндор, – исключительно ваше решение. Ведь вы – частное лицо, а у нас свободная страна.

«Свободная страна», – именно так он и сказал.

Моя страна здесь. Агарь в нескольких шагах от меня, справа. Дверь моего дома, все еще приоткрытая, как я ее

и оставил. Внутри стопка написанных тайнописью писем, недавно доставленных с почты, и оловянный кофейник с холодным кофе, и унылого вида жалюзи, и нитка с сушеными персиками, и подвешенное в углу, у дымовой трубы, страусиное яйцо, которое много лет назад подарил мне торговец специями из четвертого округа. А на заднем дворе – мой конь, стареющий чалый жеребец у коновязи, и вокруг него разложено сено. А зовут его Конь.

– Замечательный день для верховой прогулки, – говорю я.

– Да, сэръ.

– Человек вправе проводить свой досуг как угодно, это факт. – Я посмотрел на него. – А полковник Тайер ждет, это еще один факт. Можно ли полковника Тайера квалифицировать как факт?

– Может, возьмете свою лошадь, – сказал он не без доли отчаяния. – Если вам так предпочтительнее.

– Нет.

Слово повисло в тишине. А мы стояли по обе стороны от него. Агарь продолжала ходить кругами вокруг фаэтона.

– Нет, – наконец повторил я. – Буду счастлив ехать в вашем обществе, лейтенант. – Чтобы выглядеть убедительным, я посмотрел на свои ноги. – Честно говоря, рад, что у меня будет компания.

Именно этих слов он и ждал. Разве он не откинул маленькую лесенку? Разве он не предложил мне руку, чтобы помочь подняться по ней? Руку старому мистеру Лэндору! Я

поставил ногу на нижнюю ступеньку, попытался подняться, но утренняя прогулка измотала меня, нога соскользнула, и я упал на лестницу, упал тяжело, и меня пришлось подталкивать и запихивать в фаэтон. Я сел на жесткую деревянную скамью, он забрался вслед за мной, и я сказал, возвращаясь к тому, что было важно для меня:

– Лейтенант, вам стоит подумать о том, чтобы обратно ехать почтовой дорогой. В это время года дорога вдоль фермы Хесмена тяжеловата для проезда.

Именно на это я и надеялся. Он замер. Склонил голову набок.

– Прошу прощения, – сказал я. – Стоит объяснить. Вероятно, вы заметили, что к упряжи вашей лошади прилипли три больших лепестка подсолнуха. Такие крупные подсолнухи есть только у Хесмена – они буквально атакуют вас, когда вы проезжаете мимо. А эти желтые полосы на дверцах? Они цвета маиса, что есть у Хесмена. Мне рассказывали, что он использует особый вид удобрения – куриные кости и цветки форзиции; местная сплетня, но кто их, голландцев, разберет... Кстати, лейтенант, ваши родители все еще живут в Уилинге?

Он отказывался смотреть на меня. Я понял, что попал в цель, по тому, как поникли его плечи и с каким ожесточением он тронул. Лошадь рванула вверх по холму, мое тело откинулось назад, и в этот момент я подумал, что если б у скамьи не было спинки, то я просто валился бы... Назад, на-

зад... Я представил это очень живо. Мы достигли вершины холма, и фаэтон повернул на север. В боковом окне мелькнули площадь перед моим домом и милый силуэт Агари. Я уже не ждал никаких объяснений и уезжал прочь. Чтобы никогда не вернуться.

Повествование Гаса Лэндора

2

Там. Та-та-та-там. Там. Та-та-та-там.

Мы ехали уже полтора часа и находились в полумиле от академии, когда застучали барабаны. Сначала это было просто волнением в воздухе, а потом превратилось в четкий ритм, причем очень грозный. Когда я посмотрел вниз, мои ноги двигались в такт помимо воли. Я подумал: «Вот так они заставляют подчиняться. Проникают в самое нутро».

Это, безусловно, подействовало на моего сопровождающего. Лейтенант Медоуз упорно смотрел вперед и на несколько вопросов, что я задал ему, дал формальные ответы. Он ни разу не изменил позы, даже когда фэтон едва не перевернулся, наехав на валун. Всю дорогу хранил облик палача, и, честно скажу, были моменты, когда экипаж превращался – потому что я все еще находился в дремотном состоянии разума – в повозку для осужденных, а впереди маячила толпа... гильотина...

А потом мы добрались до конца длинного подъема; земля к востоку от нас исчезла, и появился Гудзон. Глянцевый, опалово-серый, морщащийся миллионом волн. Утренний туман уже превратился в маслянистую дымку, очерта-

ния противоположного берега врезались прямо в небо, и каждая гора таяла, превращаясь в голубую тень.

– Почти приехали, сэр, – сказал лейтенант Медоуз.

Вот что Гудзон делает с тобой: очищает. Поэтому к тому мгновению, когда мы сделали последний рывок к утесу, на котором стоит Вест-Пойнт, к тому мгновению, когда академия показалась за сплошной стеной леса, я, в общем, снова почувствовал себя готовым к тому, что произойдет, и мог любоваться видами, как ими любовался бы путешественник. Вон там – серая каменная громада гостиницы мистера Козенса, окруженная верандой. А на западе, чуть выше, – руины форта Патнем. А выше – коричневые мышцы горы, ощетилившиеся деревьями, а еще выше – только голубое небо.

Было без десяти три, когда мы добрались до караульного поста.

– Стой! – послышался крик. – Кто едет?

– Лейтенант Медоуз, – ответил кучер, – сопровождает мистера Лэндора.

– Приблизьтесь для опознания.

Часовой подошел к нам, и когда я выглянул, то с изумлением увидел тарашащегося на нас мальчишку. Он отдал честь лейтенанту, затем оглядел меня, и его рука уже начала подниматься к голове, однако мой статус гражданского вынудил ее опуститься.

– Лейтенант, нас осмотрел кадет или солдат?

– Солдат.

– Но ведь кадеты тоже стоят в карауле, да?

– Да, когда у них нет занятий.

– То есть по ночам?

Возница посмотрел на меня. Впервые с тех пор, как мы отъехали от моего дома.

– Да, по ночам.

Мы поехали по территории академии. Я хотел сказать «въехали на территорию», но тут некуда въезжать, потому что ниоткуда не выезжаешь. Да, здесь есть здания – деревянные, каменные и кирпичные, – но создается впечатление, будто все они высятся с молчаливого согласия Природы и всегда находятся на грани вынужденного исчезновения. А потом мы оказались в месте, которое к Природе не имеет отношения: на плац-параде. Сорок акров щербатой земли с островками травы, светло-зеленой и золотистой, тянущимися на север туда, где Гудзон, спрятанный за деревьями, делает резкий поворот на запад.

– Равнина, – объявил добрый лейтенант.

Естественно, я знал, как у них называется плац-парад, будучи соседом академии, как знал и его предназначение. Продаваемое всеми ветрами поле, где кадеты Вест-Пойнта становились солдатами.

Но где же солдаты? Я видел только пару снятых с лафетов пушек, флагшток, белый обелиск и узкую полосу тени, которую не смогло убрать яркое солнце. Когда фаэтон ехал по утрамбованной грунтовой дороге, не было никого, кто мог

бы заметить наше прибытие. Даже бой барабанов прекратился. Вест-Пойнт словно схлопнулся в себя.

– Лейтенант, а где кадеты?

– На занятиях.

– А офицеры?

После короткой паузы он сообщил мне, что многие из них являются преподавателями и находятся в учебных комнатах.

– А остальные?

– Не могу знать, мистер Лэндор.

– О, я просто поинтересовался, не стали ли мы причиной тревоги.

– Я не вправе говорить...

– Тогда, возможно, вы вправе ответить, будет ли моя аудиенция с суперинтендантом приватной?

– Полагаю, будет также присутствовать капитан Хичкок.

– А капитан Хичкок – это...

– Командир кадетов, сэр. Второй по статусу после полковника Тайера.

Вот и все, что он соизволил мне рассказать. Он был настроен строго придерживаться своего важного поручения, что и сделал: доставил меня напрямиком к квартире суперинтенданта и проводил до гостиной, где меня уже ждал денщик Тайера. По имени Патрик Мёрфи; солдат в прошлом, а сейчас (как мне предстояло выяснить) главный шпион Тайера – как большинство шпионов, веселый и жизнерадостный.

– Мистер Лэндор! Уверен, ваше путешествие было таким

же приятным, как сегодняшний солнечный день. Прошу вас, следуйте за мной.

Он продемонстрировал все свои зубы, но улыбка так и не добралась до его глаз. Мёрфи повел меня вниз по лестнице, открыл дверь в кабинет суперинтенданта и в манере лакея объявил о моем прибытии. Когда я обернулся поблагодарить, он уже исчез.

Как я узнал позже, это было предметом гордости Сильвануса Тайера – работать в полуподвале; умелая игра в Обычного человека. Что сказать: в кабинете было чертовски темно. Окна загораживали кусты, а свечи, кажется, освещали только себя. Так что моя первая официальная встреча с суперинтендантом Тайером состоялась под покровом темноты.

Но я забегаю вперед. Первым представился командир Итан Аллен Хичкок, второй по старшинству. Он, Читатель, тот, кто изо дня в день делает грязную работу, управляя кадетским корпусом. Что называется, Тайер решает в голове, а Хичкок решает на практике. И любой, кто намеревается связать себя с академией, должен сначала наладить связь с Хичкоком, который играет роль дамбы, защищающей от накатывающих человеческих волн, и помогает Тайеру оставаться на вершине сухим и безупречным, как солнце.

Короче, Хичкок – тот, кто привык быть в тени. Таким он и проявил себя передо мной: рука освещена, все остальное – предмет домыслов. Только когда он приблизился, я увидел, насколько у него поразительная внешность (как мне гово-

рили, он не походил на своего знаменитого деда⁷). Человек, коему военный мундир достался тяжелым трудом. Среднего роста, крепкий, с плоской грудью и губами, которые словно постоянно сжимались вокруг чего-то: камешка, арбузной косточки... В карих глазах отражалась меланхолия. Он пожал мне руку и заговорил на удивление мягким голосом, каким разговаривают с лежачим больным:

– Надеюсь, мистер Лэндор, отставка пошла вам на пользу.

– Благодарю, она пошла на пользу моим легким.

– Позвольте представить вас суперинтенданту.

В пятне света от сальной свечи над письменным столом из вишневого дерева склонилась голова. Каштановые волосы, круглый подбородок, выступающие, четко очерченные скулы. Внешность, не предназначенная для любви окружающих. Нет, человек, сидевший за письменным столом, готовился к трезвой оценке потомков, и это было трудным делом при его щуплости, которую не могли скрыть ни синий китель с золотыми эполетами, ни даже изогнутая, как плавник карпиодеса⁸, сабля.

Но все это впечатление сложилось уже позже. В той темной комнате с поданного мне низкого стула, поставленного перед высоким письменным столом, я, если честно, видел

⁷ Речь идет об Итане Аллене (1738–1789) – одном из известных участников Войны за независимость США (1775–1783); его дочь была матерью Хичкока и составила имя сына из имени и фамилии своего отца.

⁸ Карпиодес – рыба из отряда карпообразных.

только голову, четко и ясно, и кожа на этой голове уже начала оттягиваться вниз, напоминая отслоившуюся маску. Голова обратилась ко мне и заговорила. Она сказала:

– Очень рад встрече, мистер Лэндор.

Нет, ошибочка вышла; она сказала:

– Послать за кофе?

Все верно. И в ответ я сказал:

– Было бы неплохо выпить пива.

Воцарилась тишина. Пропитанная, кажется, оскорбленным достоинством. «Неужели полковник Тайер – трезвенник?» – подумал я. Но потом Хичкок позвал Патрика, и Патрик привел Молли, и Молли отправилась в погреб, и все это произошло по щелчку пальцев правой руки Сильвануса Тайера.

– Полагаю, мы с вами однажды встречались, – сказал он.

– Да, у мистера Кембла. В Колд-Спринг.

– Именно так. Мистер Кембл очень высокого мнения о вас.

– О, это мило с его стороны, – сказал я, улыбаясь. – Мне просто повезло быть кое в чем полезным его брату, вот и всё. Много лет назад.

– Он упоминал об этом, – сказал Хичкок. – Связано с земельными спекулянтами.

– Да, афера была невероятная, не так ли? На Манхэттене действовала целая банда мошенников; они торговали землей, которой у них не было. Интересно, продолжают ли они

свою деятельность?

Хичкок придвинул свой стул чуть ближе и поставил свою свечу на стол Тайера, рядом с красным кожаным футляром для документов.

– Мистер Кембл утверждает, – сказал он, – что вы считаетесь своего рода легендой среди констеблей Нью-Йорка.

– Какого рода легендой?

– Для начала, вы честны. Думаю, этого достаточно, чтобы любой сотрудник нью-йоркской полиции стал легендой.

Я заметил, как ресницы Тайера чуть-чуть опустились: «Молодец, Хичкок».

– О, уверяю вас, в легендах правды мало, – очень непридуманно сказал я. – Хотя, мне кажется, если кто-то и прославился своей честностью, то это вы и полковник Тайер.

Хичкок прищурился. Вероятно, он спрашивал себя, не лезть ли это.

– Среди прочих достижений, – продолжал Тайер, – вы сыграли важную роль в задержании главарей «Предрассветных парней». Они стали бедствием для честных торговцев.

– Да, так и было.

– Вы также приложили руку к разгону банды «Рубашек навыпуск».

– Только они быстро вернулись.

– Если я правильно помню, – сказал Тайер, – вам доверили расследование крайне жестокого убийства, раскрыть которое все остальные уже отчаялись. Молодой проститутки

на Елисейских Полях⁹. Не совсем ваша юрисдикция, мистер Лэндор?

– Жертва была в моей. Да и убийца тоже, как оказалось.

– Еще мне говорили, мистер Лэндор, что вы сын священника. Из Питтсбурга?

– В том числе.

– Приехали в Нью-Йорк юношей. Сунули нос в дела Таммани-Холла¹⁰, я правильно говорю? На участие в борьбе фракций духу не хватило, как я понимаю... Вы не политик по духу.

Подтверждая справедливость его слов, я кивнул и снова откинул голову. На самом же деле просто выбрал точку обзора получше, чтобы видеть глаза Тайера.

– Ваши таланты включают разгадку шифров, – тем временем говорил он. – Борьбу с беспорядками. Строительство оградительных барьеров вокруг католических избирательных округов. И... допросы без церемоний.

Вот оно: еле заметный взмах ресниц. Я и не увидел бы его, если б не искал чего-то такого.

– Полковник Тайер, вы позволите спросить?

– Да?

– Это футляр для бумаг? Там вы прячете свои сведения?

– Я не понимаю вас, мистер Лэндор.

⁹ Имеется в виду парк в Нью-Джерси.

¹⁰ Таммани-Холл – влиятельная нью-йоркская организация Демократической партии, каковая партия являлась в то время доминирующей в США. – *Прим. пер.*

– О, пожалуйста, не надо; это я вас не понимаю. Я почувствовал себя одним из ваших кадетов. Они входят сюда – уже и так напуганные, не сомневаюсь, – и вы сидите и во всех подробностях рассказываете об их успеваемости. Готов спорить, у них накопилась масса взысканий, а если вы немного поднажмете, то наверняка расскажете даже то, как глубоко они влезли в долги. Вероятно, они уходят отсюда, считая вас почти равным Богу по всеведению.

Я подался вперед и оперся руками на красноватую крышку письменного стола.

– Пожалуйста, полковник, откройте, что еще есть в вашем футляре. В смысле, про меня. Вероятно, там сказано, что я вдовец. Ну, это вполне очевидно: у меня нет ни одного предмета одежды моложе пяти лет. И я давно не переступал порог церкви. О, а там говорится, что у меня была дочь? Которая не так давно сбежала? Одинокие вечера, знаете ли... Зато у меня есть очень милая корова – там упоминается корова, полковник?

Именно в этот момент дверь открылась, и в кабинет вошел слуга с пивом на подносе. Пенящимся, почти черного цвета. Хранившимся глубоко в подвале – это я понял, когда первый глоток прокатился по мне приятным холодком.

Надо мной переплетались голоса Тайера и Хичкока.

– Очень сожалеем, мистер Лэндор...

– Не с того начали...

– Не хотели обидеть...

– Со всем нашим уважением...

Я поднял руку.

– Не надо, джентльмены, – сказал я. – Это мне следовало бы извиняться. – Я прижал холодный стакан к виску. – Что я и делаю. Прошу вас, продолжайте.

– Мистер Лэндор, вы уверены?

– Боюсь, вы уже поняли, что сегодня я немного переутомился, но я буду рад... В том смысле, что прошу вас: расскажите о вашем деле, и я сделаю все возможное...

– Вы не хотели бы сначала...

– Нет, спасибо.

Теперь Хичкок встал. Главенствующая роль снова перешла к нему.

– С этого момента, мистер Лэндор, нужно действовать очень осторожно. Надеюсь, мы вправе рассчитывать на ваше благоразумие.

– Конечно.

– Позвольте мне сначала пояснить, что наш экскурс в вашу карьеру был нужен исключительно для того, чтобы убедиться: вы тот, кто нам нужен.

– Тогда позвольте спросить, кто же вам нужен.

– Мы ищем человека – частное лицо с хорошим послужным списком и здравомыслием, – который мог бы провести расследование деликатного характера. В интересах академии.

В его манерах ничего не изменилось, но что-то стало дру-

гим. Возможно, дело было в обрушившемся на меня так же внезапно, как глоток холодного пива, осознании того, что они ищут помощи у гражданского – у меня.

– Что ж, – сказал я, осторожно продвигаясь вперед, – это будет зависеть от многого, не так ли? От природы этого расследования. От моих... моих способностей...

– Мы не сомневаемся в ваших способностях, – сказал Хичкок. – Расследование – вот что нас заботит. Должен признать, оно очень сложное и чрезвычайно деликатное. Прежде чем мы двинемся дальше, я должен еще раз убедиться в том, что ничто из сказанного не выйдет за пределы Пойнта.

– Капитан, – сказал я, – вы знаете мой образ жизни. Мне некому что-либо рассказывать, кроме Коня, а он – само олицетворение благоразумия, даю вам слово.

Кажется, Хичкок воспринял это как торжественное заверение, потому что снова сел. Посоветовавшись со своими колленками, поднял голову, посмотрел на меня и сказал:

– Это касается одного из наших кадетов.

– Я догадался.

– Второкурсника из Кентукки по фамилии Фрай.

– Лерой Фрай, – добавил Тайер.

Опять этот бесстрастный взгляд. Как будто у него три футляра записей о Фрае.

Хичкок опять поднялся со стула, вошел в пятно света и вышел оттуда. Я наконец-то нашел его взглядом у стены, по-

зади стола Тайера.

– Итак, – сказал капитан, – больше нет смысла ходить вокруг да около. Лерой Фрай повесился вчера ночью.

В тот момент мне показалось, будто я участвую в самом конце или в самом начале большого розыгрыша, и я понял, что безопаснее было бы отказаться от игры.

– Печально слышать об этом, – сказал я. – Я действительно сожалею.

– Ваше сочувствие...

– Ужасное происшествие.

– Для всех, кто причастен, – сказал Хичкок, делая шаг вперед. – Для молодого человека. Для его семьи...

– Мы имели удовольствие, – сказал Сильванус Тайер, – познакомиться с родителями молодого Фрая. Должен признаться, мистер Лэндор, что мне предстоит печальная миссия отправить им весть о смерти сына.

– Понимаю.

– Едва ли нужно упоминать... – снова заговорил Хичкок, и я почувствовал, что мы подходим к главному. – Едва ли нужно упоминать о том, что для академии это поистине ужасное происшествие.

– Видите ли, раньше ничего подобного здесь не случилось, – сказал Тайер.

– Именно так, – подтвердил капитан. – И не должно случиться впредь.

– Со всем моим уважением, джентльмены, – произнес я, –

но не нам же судить! Я имею в виду: никто ведь не знает, что творится в голове у какого-нибудь парнишки изо дня в день. Вполне возможно, завтра... – Я почесал затылок. – Завтра бедняга этого не сделал бы. Завтра он был бы жив. А сегодня... сегодня он мертв, не так ли?

Хичкок прошел вперед и оперся на резную спинку стула.

– Мистер Лэндор, вы должны понять наше положение. На нас возложили особую ответственность за этих молодых людей. Мы, по сути, заменяем им родителей. Наш долг – сделать из них джентльменов и солдат, и именно к этому мы и гоним их. Я не извиняюсь за свои слова: мы именно гоним их, мистер Лэндор. Но склонны считать, что знаем, когда надо остановиться и перестать гнать.

– Мы склонны думать, – сказал Сильванус Тайер, – что любой из наших кадетов может прийти к нам – ко мне или к капитану Хичкоку, офицеру-преподавателю, командиру кадетов – и обратиться за помощью, если у него появятся духовные или физические проблемы.

– Как я понимаю, ничто ничего не предвещало.

– Никаких предупреждающих сигналов.

– Ну, ничего не поделаешь, – проговорил я. (Излишне оживленно, на мой взгляд.) – Уверен, вы сделали все возможное. Никто не может требовать большего.

Оба немножко подумали над моими словами.

– Джентльмены, – продолжил я, – полагаю... Конечно, могу ошибаться, но полагаю, что теперь вы откроете мне, ради

чего я вам понадобился. Потому что я все еще не могу взять в толк. Парень повесился; это дело коронера¹¹, ведь так? А не констебля в отставке... со слабыми легкими и плохим кровообращением.

Я увидел, как Хичкок выпрямился.

– К сожалению, – заявил он, – это, мистер Лэндор, еще не конец.

Затем последовало новое долгое молчание, еще более настороженное, чем предыдущее. Я переводил взгляд с одного мужчины на другого, ожидая, когда кто-нибудь из них двинется дальше. Наконец Хичкок сделал глубокий вдох и заговорил:

– Ночью... между двумя тридцатью и тремя... тело кадета Фрая исчезло.

Я должен был сразу распознать его, это ритмичное бие-ние. Не бой барабанов, а удары собственного сердца.

– Вы говорите, исчезло?

– В приказах... очевидно, в приказах возникла какая-то путаница, – признался Хичкок. – Сержант, которому было поручено охранять тело, покинул свой пост, так как якобы нужен был в другом месте. Когда его ошибка обнаружилась... Скажем так, когда он вернулся на свой первоначальный пост... тело уже исчезло.

Я поставил стакан на пол с величайшей осторожностью.

¹¹ Коронер – здесь: должностное лицо, устанавливающее характер подозрительной смерти.

Мои глаза закрылись по собственной воле и открылись после странного звука, который, как я вскоре выяснил, шел от моих трущихся друг о друга рук.

– Кто забрал тело? – спросил я.

Впервые в теплом, обволакивающем голосе капитана Хичкока прозвучали жесткие нотки.

– Если б мы знали, – отрезал он, – нам не понадобилось бы вызывать вас, мистер Лэндор.

– Тогда скажите, было ли оно найдено.

– Да.

Хичкок вернулся к стене, как бы выполняя самостоятельно возложенную на себя обязанность по ее охране. После этого наступило продолжительное молчание.

– Где-то на территории? – нарушил я тишину.

– У ледника, – уточнил капитан.

– То есть его вернули?

– Да.

Он собирался сказать больше, но остановился.

– Ну, – сказал я, – в академии есть некоторое количество шутников, не сомневаюсь. И нет ничего необычного в том, что молодые люди проказничают с телами. Радуйтесь тому, что они не раскапывают могилы.

– Мистер Лэндор, все это выходит далеко за грань шутки.

Он прислонился к краю стола Тайера. А затем этот закаленный в боях офицер стал вдруг запинаться:

– Кто... кто бы ни... снял тело кадета Фрая, он, должен

признаться, совершил особенное, я бы даже сказал, особенное до ужаса осквернение. Такого рода... что не каждый...

Бедняга, он, возможно, и дальше продолжал бы вот так топтаться на месте, предоставляя Сильванусу Тайеру перейти к сути. С прямой спиной, положив одну руку на футляр для документов, а другой сжимая шахматную ладью, тот поднял голову и сообщил новость с таким видом, будто зачитывал результаты зачета:

– У кадета Фрая было вырезано сердце.

Повествование Гаса Лэндора

3

Когда я был мальчишкой, мы переступали порог больницы только тогда, когда собирались умереть или когда были настолько бедны, что нам становилось плевать, умрем мы или нет. Мой отец, скорее, перешел бы в баптизм¹², чем обратился в больницу, но возможно, изменил бы мнение, если б увидел госпиталь Вест-Пойнта. Учреждению исполнилось всего полгода на тот момент, когда я вошел туда: свежеекрашенные стены, тщательно вычищенные полы и деревянные панели, все кровати и стулья обработаны серным и хлорноватокислым газом, по коридорам течет поток напоенного запахом мха воздуха.

В обычный день нас встретила бы парочка сияющих сестер-хозяек; может, показала бы нам вентиляционную систему или операционную.... Но не сегодня. Одну из них отправили домой, после того как она упала в обморок, другая же от переживаний не могла вымолвить ни слова. Смотрела сквозь нас куда-то вдаль, словно за нами следовал целый полк, но,

¹² Баптизм – направление протестантизма, исторически основанное, по всей видимости, на английской разновидности кальвинизма (пуританства); между баптизмом и пресвитерианством есть целый ряд принципиальных расхождений, наиболее известным из которых являются разные точки зрения на спасение посредством глубокой веры (баптисты верят в него, тогда как пресвитериане считают, что Бог изначально избрал всех людей, кому предстоит спастись, и всех, кому нет).

не найдя его, потрясла головой, повела по лестнице в палату Б-3 и прошла мимо открытого камина к кованой кровати. Замерла на секунду. Затем сдернула льняную простыню с тела Лероя Фрая.

– Прощу меня простить, – сказала она.

И, выйдя, закрыла за собой дверь, словно хозяйка дома, оставляющая мужскую часть своих гостей поразмышлять.

Читатель, даже если б я прожил сто лет и потратил миллион слов, все равно не смог бы описать, что это было за зрелище.

Поэтому буду двигаться вперед маленькими шажками.

Лерой Фрай, мертв-мертвешенок, лежал на перьевом матрасе между чугунными арками изголовья и изножья.

Одна рука замерла на нижней части живота; другая сжата в кулак.

Глаза приоткрыты, словно барабаны только что пробили побудку.

Рот перекошен. Из-под верхней губы виднелись два желтоватых передних зуба.

Шея была темно-алой, с черными полосами.

А его грудная клетка...

То, что осталось от груди, было красным. Оттенки красного были разными, в зависимости от того, где грудную клетку разломали, а где просто раскрыли. Моей первой мыслью было, что на него воздействовала какая-то очень мощная ударная сила. Упавшая сосна... нет, слабовато; метеор вылетел

из-за облака...

Однако он не был выпотрошен. Возможно, так было бы лучше. Тогда не пришлось бы смотреть на безволосые лоскуты кожи на груди, раздробленные края костей и на нечто вязкое, что пряталось глубоко внутри и оставалось тайной. Я видел сморщенные легкие, полукруг диафрагмы, мягкие очертания печени, имевшей тепло-коричневый оттенок. Я видел... все. Все, кроме органа, которого не было на месте, который обычно первым привлекает внимание и который исчез.

Стыдно признаться, Читатель, но в тот момент мне в голову пришла одна мысль – при иных обстоятельствах я даже не стал бы упоминать тебе о ней. Мне показалось, от Лероя Фрая осталась только одна вещь – вопрос. Единственный вопрос, заданный его безмолвным ртом, зеленоватым оттенком его безволосой кожи...

Кто?

По пульсации внутри себя я понял, что должен дать ответ. Независимо от того, какая мне грозит опасность, я должен выяснить, кто унес сердце Лероя Фрая.

Поэтому я стал искать ответ тем методом, который применяю всегда. Задавая вопросы. Не в пустоту, нет, но человеку, стоявшему в трех футах от меня: доктору Дэниелу Марквизу, хирургу Вест-Пойнта. Он вслед за нами вошел в палату и робко посматривал на меня исчерченными красными прожилками глазами, горя желанием, я думаю, принять участие

в обсуждении.

– Доктор Марквиз, какие действия предпринимает человек, – я указал на тело на кровати, – совершая такое?

Доктор провел рукой по лицу. Я объяснил этот жест усталостью; на самом же деле он прятал возбуждение.

– Делается первый надрез, это несложно. Скальпелем, подойдет любой острый нож.

Сев на своего конька, Марквиз наклонился над Лероем Фраем и водил в воздухе невидимым лезвием.

– Самое сложное – добраться до сердца. Придется убрать с дороги ребра и грудину. Эти кости, гм, не такие плотные, как позвоночник, но достаточно твердые. Никто не будет разбивать или ломать их, так как рискует повредить сердце. – Он уставился в разверстную грудную клетку Лероя Фрая. – Остается единственный вопрос: где резать? Первый вариант – прямо по грудине... – Лезвие доктора со свистом разрезоало воздух. – Да, но тогда все равно придется раздвигать ребра, может, даже ломом, и это трудная задача. Нет, надо сделать – что и было сделано – кольцевой разрез. По грудной клетке, а потом два разреза поперек грудины. – Он отступил на шаг, оглядел результаты и заключил: – Судя по имеющейся картине, я бы сказал, что он использовал пилу.

– Пилу...

– Такую, какой хирурги ампутуют конечности. У меня есть одна в кабинете. За неимением таковой, он мог использовать ножовку. Только это тяжелая работа. Нужно пилить

так, чтобы лезвие не углублялось в грудную полость. Кстати, взгляните сюда, на легкие. Видите эти порезы? Около дюйма длиной? Есть порезы и на печени. Сопутствующие разрывы, я думаю. Результат того, что лезвие наклоняли под углом наружу, чтобы сохранить сердце.

– О, доктор, вы очень помогли, – сказал я. – Будьте любезны, поведайте, что происходит дальше? После того, как ребра и грудина распилены?

– Ну, дальше уже совсем все просто. Нужно разрезать перикард. Это оболочка вокруг эпикарда, помогает поддерживать сердце.

– Так...

– Затем нужно перерезать, гм, аорту. Легочную артерию. Предстоит пробраться через кровеносные сосуды, но это дело нескольких минут. Тут подойдет любой качественный нож.

– Доктор, разве не должно быть фонтана крови?

– Только не из тела, которое мертво несколько часов. Конечно, могло вытечь некоторое количество. Однако я подозреваю, что к тому моменту, когда он взял его сердце, – не без доли удовлетворения сказал он, – оно было сухим.

– Что дальше?

– О, так уже почти все сделано, – сказал хирург. – Весь узел выходит чистым. Сердце довольно легкое, многие не знают этого. Оно чуть крупнее кулака, весит не больше десяти унций. Когда пустое, – добавил он, в подтверждение своих

слов похлопывая себя по груди.

– Итак, доктор... надеюсь, вы не возражаете против того, что я задаю вам все эти вопросы?

– Вовсе нет.

– Может, вы расскажете нам что-то еще о том человеке, который все это совершил. Что ему понадобилось бы, кроме инструментов?

Легкое замешательство, когда он отвел взгляд от тела.

– Дайте-ка подумать. Он... должен быть сильным по тем причинам, что я уже назвал.

– Значит, это не женщина?

Марквиз хмыкнул.

– Нет, во всяком случае, ни одна из тех, с кем я имел удовольствие быть знакомым.

– Что еще понадобилось бы?

– Много света. Для проведения такой операции ему понадобился бы свет. Я не удивился бы, если б мы нашли в полости свечной воск.

Его голодный взгляд вернулся к телу. Пришлось дернуть доктора за рукав, чтобы оттащить его, когда он ринулся к кровати.

– Доктор, а что насчет его медицинской квалификации? Для этого ему нужно было бы, – я улыбнулся, прямо глядя ему в лицо, – иметь такое же хорошее образование и многолетнюю практику, как у вас?

– О, необязательно, – застенчиво сказал он. – Ему нужно

было бы знать... что искать да чего ожидать. Где делать разрез. Небольшие познания в анатомии – да, но быть врачом не надо. Или хирургом.

– Безумец, вот кто он!

Это вмешался Хичкок. Чем, признаюсь, испугал меня. Все это время у меня было такое чувство, будто мы с доктором Марквизом (и Лероем Фраем) одни.

– Кем он еще может быть, кроме как безумцем? – спросил Хичкок. – И он все еще здесь, насколько нам известно, готовит новые гнусности. Разве я... Неужели больше никого не уязвляет даже мысль о нем? Ведь он все еще здесь!

Он был чувствительным человеком, наш Хичкок. Несмотря на внешнюю твердость, мог болеть душой. И желать утешения. Легкого похлопывания полковника Тайера по плечу оказалось достаточно, чтобы напряжение покинуло его.

– Спокойнее, Итан, – сказал Тайер.

То был первый, но не последний раз, когда их альянс напомнил мне своего рода супружеский союз. Я ничего не имею в виду – только то, что у этих двух холостяков был какой-то договор, гибкий и закрепленный чем-то невысказанным. Один раз – и только один (я узнал об этом позже) – они разорвали отношения: за три года до описываемых событий по вопросу о том, нарушили ли следственные суды Вест-Пойнта положения Военного кодекса. Ничего страшного не случилось. Год спустя Тайер призвал Хичкока к себе. Рана от разрыва зарубцевалась. И все это передалось в том

похлопывании. Да, и Тайер был главным. Всегда.

– Уверен, все мы испытываем то же самое, что и капитан Хичкок, – сказал он. – Не так ли, джентльмены?

– Это делает честь капитану – то, что он облек это в слова, – сказал я.

– Естественно, смысл всего этого, – добавил суперинтендант, – предоставить нам больше возможностей, чтобы найти преступника. Разве не так, мистер Лэндор?

– Конечно, полковник.

Не успокоившись, ни в малейшей степени, Хичкок уселся на одну из свободных кроватей и уставился в окно, выходящее на север. Мы отнеслись к нему с уважением. Помню, я даже стал отсчитывать секунды. Одна, две...

– Доктор, – сказал я, улыбаясь, – вы можете рассказать нам, сколько времени ушло бы у человека на такую операцию?

– Трудно ответить, мистер Лэндор. Прошли, знаете ли, годы с тех пор, когда я в последний раз делал вскрытие, причем никогда не заходил так далеко. По моим предположениям, если учесть сложные условия, я бы сказал, что час. Может, полтора.

– И бóльшую часть времени отняло бы распиливание?

– Да.

– А если их было двое?

– Ну, тогда они встали бы по обе стороны и справились бы за полчаса. А вот трое были бы уже толпой. Третий дело

не ускорил бы; он мог пригодиться только для того, чтобы держать фонарь.

Фонарь, точно. При взгляде на Лероя Фрая меня не покидало необъяснимое ощущение, будто кто-то освещает его. Я объяснил бы это тем фактом, что его глаза были направлены на меня, смотрели из-под полуприкрытых век – если вообще можно было допустить, что он смотрит. Потому что глаза закатились вверх, как поднятые жалюзи, и в щелках между веками серебрилась белизна.

Я подошел поближе к кровати и кончиками пальцев оттянул веки. Они на секунду застыли в этом положении, прежде чем вернуться назад. Я почти не обратил на это внимания, потому что принялся изучать следы на шее Лероя Фрая. Они не складывались в единую полосу, как я предполагал вначале, а переплетались, рисуя картину мучений. Задолго до того, как петля пережала дыхательное горло кадета, веревка вдавливалась в кожу, разрывая ее.

– Капитан Хичкок, – сказал я, – мне известно, что ваши люди провели поиски, но что конкретно они искали? Человека? Или сердце?

– Могу сказать вам только, что мы прочесали окрестности и ничего не нашли.

– Ясно.

Он был рыжеватым блондином, этот Лерой Фрай. Длинные светлые ресницы. Мозоли от ружья на правой руке и яркие волдыри на кончиках пальцев. И родинка между двумя

пальцами на ноге. Всего день назад он был жив.

– Может кто-нибудь напомнить мне, где было найдено тело? – спросил я. – После того, как из него вынули сердце.

– Рядом с ледником.

– Боюсь, доктор Марквиз, мне придется снова обратиться к вашему опыту. Если б вы... если б вы хотели сохранить сердце, как бы вы это сделали?

– Ну, я, наверное, нашел бы какой-нибудь контейнер.... Не обязательно большой.

– Да?

– Потом обернул бы чем-нибудь сердце. Может, муслином. Или газетой, если б не смог найти ткань.

– Продолжайте.

– А потом я... я поместил бы его... – Он замолчал. Его рука непроизвольно поднялась к горлу. – В лед, – сказал он.

Хичкок встал с кровати.

– Вот до чего дошло, – сказал он. – Безумец не только вынул сердце у Лероя Фрая. Он хранит его на льду.

Я пожал плечами. Развел руки в стороны.

– Такое возможно, не более.

– Но ради какой, черт побери, цели?

– О, этого я вам сказать не могу, капитан. Я только что приехал сюда.

В палату уже успела войти сестра-хозяйка, подгоняемая чувством долга: ей для чего-то понадобился доктор Марквиз, не помню, для чего. Я только помню полный сожаления

взгляд доктора: ему не хотелось уходить.

Так что мы остались втроем: я, Тайер и Хичкок. И Лерой Фрай. Потом забили барабаны – кадетов призывали на вечернее построение.

– Итак, джентльмены, – сказал я, – деваться нам некуда. Вы вляпались в неприятную историю. – Снова развел руками. – Я и сам немного озадачен. Одного не могу понять: почему вы не обратились к военным властям?

Долгое молчание.

– Такие вопросы требуют их внимания, – сказал я, – не моего.

– Мистер Лэндор, – сказал Сильванус Тайер, – вы не против прогуляться со мной?

Мы прошли недалеко, по коридору и обратно. Потом еще раз. И еще раз. Это очень напоминало военные учения. Тайер был на четыре дюйма ниже меня, но спину держал более прямо, и манеры у него были более уверенными.

– Как вы понимаете, мистер Лэндор, мы оказались в щекотливом положении.

– Не сомневаюсь.

– Эта академия... – начал он. Но его голос прозвучал слишком громко; Тайер тут же приглушил его. – Эта академия, как вам известно, существует менее тридцати лет. Половину этого срока я являюсь здесь суперинтендантом. Думаю, можно с уверенностью сказать, что ни сама академия, ни я еще не стали постоянными величинами.

– Думаю, это вопрос времени.

– Что ж, как и у любого молодого учреждения, у нас появились влиятельные друзья. И грозные недоброжелатели.

Глядя в пол, я высказал предположение:

– Президент Джексон относится ко второму лагерю, не так ли?

Тайер быстро огляделся по сторонам.

– Я не стану делать вид, будто знаю, кто к какому лагерю принадлежит, – сказал он. – Знаю только то, что на наши плечи лег тяжелейший груз. Неважно, сколько офицеров мы выпускаем, неважно, сколько пользы приносим нашей стране, – мы всегда, боюсь, оказываемся в положении обороняющихся.

– Против кого, полковник Тайер?

– О. – Он бросил взгляд в потолок. – Элитарность, вечная тема... Наши критики утверждают, что мы отдаем предпочтение отпрыскам богатых семей. Если б они знали, сколько наших кадетов родились на фермах, сколько среди них сыновей мастеровых, предпринимателей... Это Америка, мистер Лэндор, чья история пишется маленькими людьми.

Как же мило это прозвучало в том коридоре! «Америка, чья история пишется маленькими людьми...»

– Что еще, полковник, говорят ваши критики?

– Что мы слишком много времени тратим на подготовку инженеров и мало – на подготовку солдат¹³. Что наши кадеты

¹³ Для лучшего понимания реалий следует учесть, что академия была основана

поступают на должности, которые должны доставаться офицерам более высокого ранга.

«Лейтенант Медоуз», – подумал я.

Тайер шел по коридору, подладив свой шаг под ритм барабанов снаружи.

– Думаю, нет надобности рассказывать вам о недавно появившемся направлении критики, – сказал он. – О том, в котором утверждается, будто нашей стране вообще не нужна постоянная армия.

– Интересно, чем бы эти критики хотели ее заменить?

– Очевидно, такой же милицией¹⁴, как была в старину. Толпой из деревенских общин. Солдатами понарошку, – без всякой горечи сказал он.

– Но нашу последнюю войну выиграла отнюдь не милиция, – возразил я. – Это были люди типа... генерала Джексона.

– Как приятно знать, мистер Лэндор, что мы с вами придерживаемся одного мнения... Однако факт остается фактом: бо́льшая часть американцев шарахается при виде человека в форме.

– Вот поэтому мы и не носим ее, – тихо сказал я.

– Мы?

как *военно-инженерная*, для выпуска специалистов соответствующего профиля, которые работали не только в военной, но и в гражданской сфере; фактически она выступила первым политехническим высшим учебным заведением страны.

¹⁴ Слово «милиция» здесь употреблено в значении «гражданское ополчение с функцией внутренних сил правопорядка».

– Простите; мы, констебли. Оглянитесь, и вы не встретите констебля – если подумать, то и любого сотрудника правоохранительных органов Нью-Йорка, – который одеждой обозначал бы свою сферу деятельности. Форма действительно отталкивает народ, не так ли?

Забавно, я не стремился к этому, но поднятая тема разожгла между нами искорку братской близости. Нет, я не утверждаю, что Сильванус Тайер улыбнулся – я ни разу в жизни не видел, чтобы он улыбался, – однако торчавших из него иголок поубавилось.

– С моей стороны было бы большим упущением, мистер Лэндор, если б я не упомянул о том, что львиная доля атак была направлена на меня. Меня называли тираном. Деспотом. Варваром – это самый мягкий вариант.

На этом он остановился, чтобы дать словам осесть.

– В общем, полковник, ситуация тяжелая, верно? – подытожил я. – Если взглянуть на нее с вашей стороны. И если станет известно, что под... под вашим жестоким управлением кадеты гибнут, доходят до того, что лишают себя жизни...

– О Лерое Фрае уже стало известно, – сказал он; тон у него был ледяным, как звезда. (Братской близости как не бывало.) – Я не мог помешать этому, как не могу помешать людям делать выводы. В настоящий момент моя единственная цель – не дать определенным кругам взяться за расследование.

– Определенным кругам в Вашингтоне, – предположил я, глянув на него.

– Именно так.

– Кругам, которые враждебно воспринимают само существование академии. Они будут искать повод, чтобы разнести ее по кирпичику.

– Именно так.

– Но если вам удастся показать им, что у вас все под контролем – что кто-то занимается этим делом, – тогда вы сможете дольше сдерживать охотничьих псов.

– *Чуть* дольше, но да.

– А что, полковник, если я ничего не выясню?

– Тогда я подам рапорт главе инженерных войск, который в свою очередь будет совещаться с генералом Итоном¹⁵. После это мы будем ждать их коллективного решения.

Так уж получилось, что мы остановились перед палатой Б-3. Снизу доносились голоса: взволнованный сестры-хозяйки и медленный, плавный хирурга. За окнами пронзительно звучала флейта. В палате Б-3 ничего не происходило.

– Кто предположил бы такое, – сказал я, – что из-за смерти одного человека на волоске может повиснуть столь многое... Даже ваша карьера.

– Мистер Лэндор, если в чем-то еще мне вас убедить не выйдет, знайте одно: моя карьера – ничто. Если б я был уверен в том, что академия выживет, то завтра же ушел бы отсюда и даже не оглянулся. – Добродушнейшим образом кивнув мне, он добавил: – У вас, мистер Лэндор, дар вызывать

¹⁵ Джон Генри Итон (1790–1856) – военный министр США в 1829–1831 гг.

на откровенность. Не сомневаюсь, он вам пригодится.

– Как получится, полковник... А теперь ответьте честно: вы действительно считаете, что я – нужный человек?

– Если б я так не считал, мы с вами сейчас не беседовали бы.

– И вы твердо настроены идти этим путем? До самого конца?

– И даже дальше, – сказал Сильванус Тайер, – если понадобится.

Я улыбнулся и посмотрел туда, где в свете, падавшем через круглое окно, по коридору плавала искрящаяся пыль.

Тайер прищурился.

– Мистер Лэндор, как мне следует интерпретировать ваше молчание? Это «да» или «нет»?

– Ни то, ни другое, полковник.

– Если вопрос в деньгах...

– У меня достаточно денег.

– Возможно, какие-то другие проблемы?

– Не такие, с которыми вы могли бы помочь, – как можно мягче сказал я.

Тайер прочистил горло – всего лишь тихо кашлянул, но у меня появилось стойкое ощущение, что сказано еще не все.

– Мистер Лэндор, наш кадет умер таким юным, собственноручно лишив себя жизни, и это очень трудно пережить... Однако то, что над его беззащитным телом так жестоко надругались, вынести невозможно. Это преступление против

природы, и я считаю это ударом в сердце... – Он замолчал, но слово уже было произнесено. – В самое сердце нашей академии. Если это дело рук какого-то постороннего фанатика, пусть так, все в руках Божьих. Если это дело рук одного из наших, я не успокоюсь, пока виновник не покинет Пойнт. В кандалах или по доброй воле, неважно, но он должен уехать отсюда следующим почтовым пароходом. Ради блага академии.

Высказав все, он тихо выдохнул и наклонил голову.

– В этом состоит ваша задача, мистер Лэндор, если вы соглашаетесь. Найти человека, который это совершил. И помочь нам добиться того, чтобы такое не повторилось.

Я довольно долго смотрел на него. Потом достал из кармана часы, постучал по стеклу и произнес:

– Без десяти пять. Как вы относитесь к тому, чтобы встретиться здесь в шесть? Для вас это не станет большим неудобством?

– Вовсе нет.

– Хорошо. Обещаю, вы получите ответ.

* * *

Я подумывал о том, чтобы побродить в одиночестве – для меня подобное было обычным делом, – но академия не могла одобрить такой план. Ладно, пусть у меня будет эскорт, если вы так желаете. На эту работу опять подрядили Медо-

уза. Если от подобной перспективы лицо лейтенанта и вытянулось, то кто-то наверняка быстро вернул его черты на место: он выглядел более воодушевленным, чем в нашу первую встречу. Я понял, что ему не довелось видеть Лероя Фрая.

– Мистер Лэндор, куда желаете пойти?

Я вытянул руку в направлении реки.

– На восток. Туда лучше всего.

Чтобы выйти на берег, нам, естественно, нужно было пересечь Равнину, на которой теперь было отнюдь не пусто. Шло вечернее построение. Кадеты Военной академии Соединенных Штатов распределились по ротам, образуя четыре насыщенных энергией формирования. Оркестр, возглавляемый мужчиной с тростью, которая заканчивалась кисточкой, и со свисавшим с его головы красным мешком для варки пудинга, играл финальные аккорды, стреляла пушка, и звездно-полосатый флаг, трепеща на ветру и напоминая носовой платочек юной барышни, полз к земле.

– К осмотру! – крикнул адъютант. Тут же послышался лязг двухсот ружей, и менее чем через секунду каждый кадет смотрел в ствол своего мушкета. Командующий офицер выхватил саблю, щелкнул каблуками и крикнул: «Заряжай!» Затем последовало (во всяком случае, для меня это так прозвучало): «На изготовку!» И после этого каждый кадет повернулся вполоборота вправо, готовый дать отпор врагу.

О, то было впечатляющее зрелище: бледно-зеленый дерн, разлетающийся во все стороны, штыки, сверкающие в лучах

солнца. Молодые люди в плотно сидящих мундирах, развевающиеся плюмажи...

– Заряжай!.. Заряжай!..

Весть о Лерое Фрае – и факты, и домыслы – уже стала всеобщим достоянием среди кадетов. Достижение системы Тайера – то, что она смогла выдержать такой удар без какого-либо напряжения. Место Лероя Фрая уже оказалось занято другим – дырку заткнули, – и любой, глядя на плац-парад, не догадался бы, что раньше в рядах было на одного больше. Более внимательный наблюдатель, возможно, заметил бы ошибку в шаге здесь, сбивку там. Или даже задержку. Но это запросто можно было бы списать на салаг, состоявших в каждой роте. Недомужчины-перемальчишки, всего несколько месяцев как от плуга, в ногу никак не попадают... и так далее, в том же духе.

– Равняйсь!

Да, Читатель, впечатляющее зрелище: последние часы октябрьского дня, заходящее солнце, горы окрашиваются в те же цвета, что и голубая с серым форма, а где-то ворчит пересмешник... плохо бедняге, но могло быть и хуже. Вокруг зрители. Любопытствующие – они недалеко от управления квартирмейстера. Дамы – их наряды отличают рукава, пышные у плеча и узкие от локтя до запястья; господа в голубых сюртуках и бежевых жилетах... На всех лежит печать праздной легкости. Сегодня утром прибыли с Манхэттена, вероятно, на пароходе; или, возможно, британцы, отправившие-

ся в турне. Часть спектакля, как и все остальное.

– Военная академия Соединенных Штатов, Вест-Пойнт, Нью-Йорк, двадцать шестое октября тысяча восемьсот тридцатого года! Паааастроение номер... ДВА!!!

И кто, как вы думаете, был среди зрителей? Сильванус Тайер. Не смог допустить, чтобы мертвец помешал ему выйти на люди. И правда, он выглядел так, будто провел среди гостей весь день. Потрясающая выдержка. Беседовал, когда надо, молчал, когда того требовала обстановка, склонял голову, подставляя ухо спрашивавшему, что-то разъяснял дамам и ни разу не вспылал. Я, знаете ли, буквально слышал его:

«Миссис Бреворт, не знаю, заметили ли вы в этом маневре определенный *esprit d'Europe*¹⁶. Маневр создал Фридрих Великий, а потом развил Наполеон во время своего Египетского похода... О, надеюсь, вы обратили внимание на того молодого человека во главе роты Б? Это Генри Клей-младший. Да-да, сын великого человека¹⁷. Но первенство у него отнял сын фермера из Вермонта. Историю Америки, миссис Бреворт, пишут маленькие люди...»

Теперь дежурные сержанты уводили роты кадетов с плац-парада, оркестр скрылся где-то за холмом, зрители стали

¹⁶ Европейский дух (*фр.*).

¹⁷ Имеется в виду Генри Клей-старший (1777–1852), госсекретарь США в 1825–1829 гг.; младший Клей (р. 1811) погиб в 1847 г. во время Американско-мексиканской войны.

расходиться, и лейтенант Медоуз спрашивал меня, чего я желаю – остаться здесь или идти дальше, – и я ответил, что идти дальше, как мы и сделали, направившись к Лав-Рок.

Там, внизу, в ста футах под нами, текла река, с множеством скользящих по поверхности судов. Грузовые шли к каналу Эри, почтовые – к великому городу. Боты и челноки – все освещал свет оранжевых оттенков. Я слышал, как недалеко, на испытательном полигоне, ухает пушка: сначала глухое «бум», а потом эхо, взбирающееся на холмы. Река была и на западе, и на востоке, и на юге, и я стоял в отправной точке. Если б меня больше интересовала история, я с радостью попробовал бы отождествить себя с индейцами, или с Бенедиктом Арнольдом¹⁸, который однажды стоял именно на этом самом месте, или с теми людьми, которые натянули мощную цепь через Гудзон, чтобы не пропустить на север британский флот...

А если б я был склонен к духовным размышлениям, то, возможно, задумался бы о судьбе или о Боге – ведь Сильванус Тайер только что попросил меня спасти честь Военной академии Соединенных Штатов и сделать для этого работу, от которой я давно отказался; наверняка тут сыграли роль масштабные силы – я не назвал бы их божественными, но определенное вмешательство каких-то сил было налицо.

¹⁸ Бенедикт Арнольд (1741(1740)–1801) – участник Войны за независимость США, переметнувшийся к англичанам и пытавшийся сдать им форт Вест-Пойнт, ключевую стратегическую точку войны. – *Прим. пер.*

В общем, я в подобные вещи не углубляюсь. На самом деле я думал об Агари, о корове. Буду откровенен с тобой, Читатель: я гадал, куда она ушла. К реке? В горы? Есть ли за водопадом грот? Какое-нибудь укромное местечко, о котором знает только она?

Так что да, я думал о том, куда она ушла и заставит ли что-нибудь ее вернуться.

* * *

Ровно без десяти шесть я повернулся спиной к реке и обнаружил лейтенанта Медоуза на том же месте, где оставил его. Отрешенным от всех других забот, со сцепленными за спиной руками, с остановившимся взглядом.

– Лейтенант, я закончил.

Пять минут спустя я уже был в палате Б-3. Тело Лероя Фрая, накрытое грубой льняной простыней, лежало там. Тайер и Хичкок стояли в парадной стойке «вольно». Я собирался сказать: «Джентльмены, я ваш».

Но сказал кое-что другое. И даже не сразу сообразил, что это говорю я.

– Вы хотите, чтобы я выяснил, кто забрал сердце Лероя Фрая? Или чтобы первым делом выяснил, кто повесил его?

Повествование Гаса Лэндора

4

27 октября

То была робиния¹⁹. В сотне ярдов от Южной пристани. Черная робиния, стройная, монашеского вида, с глубокими морщинами и длинными красноватыми стручками. Такая же, как и множество робиний, что растут в здешних горах. Такая же, если не считать лозы, свисающей с ее ветки.

То есть это я, глупец, подумал, что это лоза. В оправдание скажу: с того события прошло более тридцати двух часов, и веревка уже начала срастаться со своим окружением. Вероятно, я рассчитывал, что к этому моменту ее уже сняли. Однако они пошли более быстрым путем: когда тело нашли, веревку перерезали над головой несчастного, и оставшийся кусок так и продолжал болтаться. Капитан Хичкок ухватился за него, дернул для проверки, а потом потянул, как будто другим концом веревка была привязана к церковному колоколу. Он повис на ней всем весом, и его колени слегка подогнулись. Тогда я понял, как сильно он устал. Неудивительно.

¹⁹ Робиния – род древесных растений семейства бобовых, для которых Северная Америка является родиной.

Всю ночь и целый день на ногах, потом, в шесть тридцать, вызов к Сильванусу Тайеру... Я чувствовал себя чуть свежее, проведя вечер в гостинице мистера Коззенса.

Гостиница, как и много другое в Вест-Пойнте, была идеей Тайера. Пассажиры парохода должны видеть академию во всем ее блеске, поэтому им нужно место, где можно переночевать. Так что правительство Соединенных Штатов в мудрости своей решило построить красивую гостиницу прямо на территории академии. Теперь в разгар сезона путешественники со всех концов мира, ошеломленные созерцанием горного королевства Тайера, укладываются на свежевзбитые пуховые перины мистера Коззенса.

Что до меня, то я не был путешественником, но мой дом находился слишком далеко от Вест-Пойнта. Поэтому мне на неопределенный срок предоставили комнату, выходящую окнами на Остров Конституции. Ставни защищали от света звезд и луны – я спал, словно в пещере, и звуки пробудки прозвучали словно с далекой звезды. Я лежал и наблюдал, как красноватый свет пробивается в щели между ставнями. Темнота была сладостной. Я подумал: а вдруг всю жизнь я делал карьеру не в той области?..

Однако сразу же совершил то, что не присуще солдатам: понежился в кровати еще десять минут, оделся неторопливо и, вместо того чтобы бежать на утреннюю перекличку, накинул на себя плед и не спеша направился к причалу. К тому моменту, когда я добрался до квартиры Тайера, суперинтен-

дант уже принял ванну, оделся, выжал новости из четырех газет и, нависнув над тарелкой с бифштексом, ждал меня и Хичкока, дабы вершить справедливость.

Мы трое ели в молчании и пили великолепный кофе, приготовленный Молли. После того как, отодвинув тарелки, откинулись на спинки стульев, я и изложил свои условия.

– Первое: если не возражаете, джентльмены, я хочу иметь здесь свою лошадь. Если учесть, что некоторое время я буду жить в вашей гостинице.

– Недолго, надеюсь, – заметил Хичкок.

– Нет, недолго, но я в любом случае хотел бы иметь рядом Коня.

Они пообещали доставить его сюда и выделить ему место на конюшне. А когда я сказал им, что хотел бы ездить домой каждое воскресенье, они ответили, что я, будучи частным лицом, могу покидать академию в любое удобное время, но обязательно предупреждать, куда я направляюсь.

– И, наконец, следующее, – сказал я. – Я хотел бы иметь полную свободу действий, пока нахожусь здесь.

– Как мы должны понимать это условие, мистер Лэндор?

– Никакой вооруженной охраны. Никакого лейтенанта Медоуза, да благословит Господь его душу. Чтобы никто не провожал меня в отхожее место каждые три часа, чтобы никто не целовал меня на ночь. Все это не для меня, джентльмены. Я из одиночек, чужие локти натирают мне слишком много мозолей.

В общем, они заявили, что это невозможно. Сказали, что Вест-Пойнт, как и любое другое военное учреждение, нужно тщательно патрулировать. На них самим Конгрессом возложена Обязанность обеспечить Безопасность каждого гостя и избежать Нарушений... ну, и так далее.

Мы нашли благословенную середину. Мне будет разрешено без сопровождения выходить за внешний периметр – Гудзон в полном моем распоряжении, – и меня снабдят паролями и отзывами для часовых. Однако мне категорически запрещается появляться на основных территориях без эскорта и беседовать с кадетами в отсутствие представителя академии.

Я бы назвал все это прекрасным разговором... если б они не начали выдвигать собственные условия. А ведь я должен был ожидать этого, не так ли? Упоминал ли я уже о том, что перестал быть собой прежним?

«Мистер Лэндор, вам запрещается хоть словом обмолвиться об этом расследовании в пределах и за пределами академии».

Пока...

«Мистер Лэндор, вы должны ежедневно докладываться капитану Хичкоку».

...не жалуясь...

«Мистер Лэндор, вы должны еженедельно готовить подробный отчет о своих находках и выводах, и вы должны быть готовы отчитаться о своем расследовании любому

представителю армейского руководства, когда бы это ни потребовалось».

– Я в восторге, – сказал я.

А потом Итан Аллен Хичкок хищно оскалился, прочистил горло и жестко кивнул.

– Мистер Лэндор, есть еще одно, последнее, условие.

Ему явно было не по себе. Мне даже стало жаль его. Но жалость исчезла, как только я услышал эти слова. И с тех пор больше никогда не жалел его.

– Мы хотели бы попросить вас отказаться от выпивки...

– Никакого неблагоприятного пьянства, – негромко сказал Тайер.

– ...на период вашего расследования.

После этого история развернулась передо мной во всю свою ширь – просто на это потребовалось какое-то время. Раз они знают даже об этом, значит, они наводили справки – донимали вопросами соседей и коллег, мальчишек у Бенни Хевенса; работа не одного дня, на нее потребовалась масса времени и материальных ресурсов. Единственный вывод заключался в следующем: Сильванус Тайер положил на меня глаз давным-давно. Прежде чем понял, что я могу быть ему полезен, он разослал своих шпионов собирать обо мне все имеющиеся сведения. И вот я здесь. Сажу за его столом, ем его еду, глотаю его условия. Я в его власти.

Если б я пребывал в бойцовском настроении, возможно, стал бы все отрицать. Я сказал бы, что за последние три дня у

меня во рту не было ни капли алкоголя – и ведь это было истинной правдой, – но потом вспомнил, что те же самые слова я часто слышал от ирлашек, которые спали на ступеньках «Гарнет-салуна». «Три дня, – всегда говорили они, – три дня в рот не брал». А теперь я с мгновенной скоростью оказался на их месте. Как же я тогда усмехнулся...

– Джентльмены, – сказал я, – я буду сух, как методист²⁰.

В этом вопросе они не стали сильно давить. Оглядываясь назад, я подозреваю, что их гораздо сильнее пугало то, что я могу стать примером для кадетов, которые, естественно, были лишены удовольствия приложиться к бутылке. Удовольствия поспать в кровати, посидеть за ломберным столом. Поиграть в шахматы, побаловаться табачком. Послушать музыку, почитать романы. У меня иногда сжималось сердце, когда я представлял, чего они лишены.

– Мы еще не обговорили ваш гонорар, – сказал капитан Хичкок.

– Нет надобности.

– Обязательно... Некоторая компенсация...

– Иначе и быть не может, – сказал Тайер. – Уверен, в вашей прежней должности...

Да, да, констебли работают сдельно. Либо тебе кто-то платит – город, семья, – либо ты ни во что не ввязываешься. Но

²⁰ Методизм – течение в протестантизме, выделившееся в конце XVIII в. из англиканской церкви; методисты придерживаются комплекса практик смирения плоти и духа, частью которого является воздержание от алкоголя.

иногда забываешь правило. Такое случилось со мной раз или два, к моему величайшему сожалению.

– Джентльмены, – сказал я, вынимая салфетку из-за ворота рубашки, – надеюсь, вы поймете меня правильно. Вы, похоже, отличные ребята, но как только дело будет окончено, я был бы вам безмерно благодарен, если бы вы оставили меня в покое. Не возражаю, если вы изредка будете сообщать мне, как поживаете.

Я улыбнулся, чтобы показать, что зла на них не держу; они тоже улыбнулись, чтобы показать, что им удалось сэкономить определенную сумму; потом назвали меня истинным американцем и еще кем-то – не помню кем, но уверен, что было произнесено слово «принципы». А еще «образцовый». После этого Тайер занялся своими делами, а мы с Хичкоком отправились к робинии, и вот сейчас утомленный капитан тянул вниз болтавшийся кусок веревки.

Один из кадетов Хичкока стоял футах в десяти от нас. Эпафрас Хантун. Кадет третьего класса²¹, подмастерье портного из Джорджии. Высокий и мощный, как бык, он словно пытался сгладить мечтательным выражением на лице и льстивыми интонациями тот ужас, который могут вызвать у окружающих его габариты. Именно этому кадету выпала печальная доля найти тело Лероя Фрая.

²¹ Для лучшего понимания реалий следует иметь в виду, что класс (ранг) кадета и хронология его обучения обратны друг другу, т. е. четвертый класс – это первый год (курс), и наоборот.

– Мистер Хантун, – сказал я, – прошу, примите мои соболезнования. Это, должно быть, стало для вас ужасным шоком.

Он раздраженно дернул головой, как будто я отсылал его прочь от частной беседы. А потом улыбнулся и собрался заговорить, но это у него не получилось.

– Пожалуйста, – сказал я, – просветите меня насчет того, что случилось. В среду вечером вы дежурили?

Мои слова будто сняли заклятие.

– Да, сэр, – сказал он. – Я заступил на пост в девять тридцать. В полночь меня сменил мистер Ури.

– Что было дальше?

– Я пошел обратно в караулку.

– А где это?

– В Северных казармах.

– А где... был ваш пост?

– Номер четыре, сэр. У форта Клинтон.

– Значит... – Я улыбнулся и огляделся. – Признаюсь, мистер Хантун, я плохо знаком с территорией, но мне кажется, что путь от форта Клинтон до Северных казарм не проходит через то место, где мы сейчас стоим.

– Да, сэр.

– Тогда что заставило вас свернуть в сторону?

Он покосился на капитана Хичкока, и тот, бросив на кадета быстрый взгляд, сказал ровным тоном:

– Не надо бояться, мистер Хантун. На вас не будет состав-

лен рапорт.

Молодой человек с облегчением повел плечами и с полуулыбкой посмотрел на меня.

– В общем, сэр... Дело в том, что иногда... в карауле... я люблю почувствовать реку.

– Почувствовать?

– Окунуть в нее палец или ногу. Это помогает мне, сэр; я не могу объяснить.

– Надобности объяснять нет, мистер Хантун. Но все же расскажите мне, как вы спускались к реке.

– Просто пошел по тропинке к Южной пристани, сэр. Пять минут вниз, десять – вверх.

– И что произошло, когда вы спустились к реке?

– О, я так и не дошел до нее, сэр.

– Почему?

– Услышал кое-что.

Тут капитан Хичкок встрепенулся и голосом, выдававшим усталость, спросил:

– Что вы слышали?

Звук – больше он ничего не смог сказать. Это мог быть треск ломающейся ветки или вой ветра; не исключено, что никакого звука вообще не было. Всякий раз, когда он пытался описать его, оказывалось, что звук был совсем другим.

– Молодой человек, – сказал я, кладя руку ему на плечо, – очень прошу вас, не тушуйтесь. Неудивительно, что вы не можете четко описать его.... Вся эта кутерьма, весь этот пе-

реполох – такое приведет в замешательство любого. Наверное, мне стоит спросить, что заставило вас пойти на звук?

Кажется, это успокоило его. Он надолго замер, размышляя.

– Я решил, что это животное, сэр.

– Какого рода?

– Точно не знаю... А вдруг оно попало в ловушку... Я обожаю животных, сэр. Особенно охотничьих псов.

– Значит, вы, мистер Хантун, сделали то, что сделал бы любой христианин. Вы отравились спасать божью тварь.

– Вероятно, так и было. Я собирался пройти еще немного вверх по холму. Склон оказался очень крутым, и я уже был готов повернуть назад... – Он замолчал.

– Но тут увидели?..

– Нет, сэр. – Кадет вышел из ступора. – Я ничего не видел.

– И, ничего не увидев, вы...

– Ну, у меня было чувство, что там кто-то есть. Или что-то. Поэтому я сказал: «Кто идет?» Как то и требовалось. Ответа не было, и я вот что сделал – поднял оружие и сказал: «Приблизьтесь и назовите пароль».

– И опять ответа не было.

– Все верно, сэр.

– И что вы сделали потом?

– Ну, прошел еще несколько шагов. Но так и не увидел его.

– Кого?

– Кадета Фрая.

– А как же тогда вы нашли его?

Он выждал несколько секунд, чтобы унять волнение.

– Я задел его.

– А... – Я тихо откашлялся. – Должно быть, мистер Хантун, для вас это стало неприятным сюрпризом.

– Не сразу, сэр, потому что поначалу я не понял. Но когда понял, то да... да, стало.

Потом я часто думал, что, если б Эпафрас Хантун прошел в ярде севернее или в ярде южнее, он, вероятно, никогда не нашел бы Лероя Фрая. Ведь та ночь было особо темной, лунный свет с трудом пробивался через облака, и путь Хантуну освещал только фонарь. Да, ярд в сторону – и он прошел бы прямо под Лероем Фраем.

– Что дальше, мистер Хантун?

– Ну, я отскочил.

– Вполне естественно.

– И выронил фонарь.

– Вы его выронили? Или бросили?

– Гм... Может, и бросил. Не могу сказать, сэр.

– Что дальше?

Он опять замолчал. Во всяком случае, его голосовые связки замерли. А вот тело говорило, причем очень эмоционально. Зубы стучали, ноги шаркали. Одна рука теребила полу мундира, другая перебирала пуговицы на штанах.

– Мистер Хантун?

– Я не знал, что делать, сэр. Видите ли, я не был на посту, поэтому сомневался, что меня услышат, если я крикну. Поэтому я побежал.

Его взгляд опустился вниз, и у меня в сознании возникла картина: Эпафрас Хантун, не видя ничего вокруг и рукой закрывая лицо от веток, бежит через лес; бряцает оружие, подсумок с патронами бьет по бедру...

– Я побежал напрямиком к Северным казармам, – тихо сказал он.

– И кому вы обо всем доложили?

– Дежурному офицеру кадетов, сэр, и он отправился к лейтенанту Кинсли, сэр, дежурному офицеру по академии. И они приказали мне сходить за капитаном Хичкоком, а потом мы все вместе побежали обратно и...

Он посмотрел на Хичкока с нескрываемой мольбой. «Расскажите ему, сэр».

– Мистер Хантун, – сказал я, – думаю, нам стоит вернуться на шаг назад, если вы не возражаете. В самое начало, когда вы нашли тело. Как думаете, у вас хватит выдержки снова вспомнить те обстоятельства?

Он свел брови, стиснул зубы и кивнул.

– Да, сэр.

– Вы молодец. А теперь позвольте спросить: вы тогда слышали что-нибудь еще?

– Ничего особенного, такого, что нельзя услышать в обычный день. Раз или два закричала сова, сэр. И... лягушка-бык,

наверное...

– Там кто-нибудь еще был?

– Нет, сэр. Но по сторонам-то я не смотрел.

– После первого контакта... вы больше не прикасались к телу?

Кадет на мгновение повернул голову к дереву.

– Не смог, – сказал он. – После того как увидел.

– Очень разумно, мистер Хантун. А теперь скажите мне... – Я сделал паузу и взгляделся в его лицо. – Попробуйте описать, как выглядел Лерой Фрай.

– Неважно, сэр.

И тогда я впервые услышал, как смеется капитан Хичкок. Этот скрип, обозначавший приступ веселья, вырвался откуда-то из самого его нутра. И удивил даже его, я думаю. В этом смешке было одно достоинство: он избавил меня от необходимости смеяться.

– Не сомневаюсь, – как можно мягче сказал я. – А кто из нас выглядел бы лучше при таких обстоятельствах? Я имел в виду... положение тела, если вы его помните.

Теперь Хантун повернулся всем телом и посмотрел на дерево – наверное, впервые за все время. Чтобы дать поработать памяти.

– Его голова, – медленно заговорил он. – Его голова была свернута набок.

– Да?

– А в остальном... он был как бы... вдавленным, сэр.

– В каком смысле? – спросил я.

– Ну. – Он похлопал глазам, пожевал губами. – Он висел не прямо. Его зад, сэр, был... как будто он собирался сесть. На стул, или в гамак, или еще куда-то.

– Он выглядел так, потому что вы его задели?

– Нет, сэр. – Помню, он был в этом абсолютно уверен. – Нет, сэр, я лишь коснулся его, слово чести. Он даже не покачнулся.

– Продолжайте. Что еще вы помните?

– Ноги. – Он указал на свои. – Широко раздвинуты. И они были... впереди.

– Не совсем понимаю вас, мистер Хантун. Вы говорите, что его ноги были впереди него?

– С учетом того, что они находились на земле, сэр.

Я подошел к дереву. Встал под обрывком веревки и почувствовал, как она коснулась моего кадыка.

– Капитан Хичкок, – сказал я, – вы имеете представление о том, какого роста был Лерой Фрай?

– О, среднего или чуть выше... может, на дюйм или два ниже вас, мистер Лэндор.

Эпафрас Хантун стоял с закрытыми глазами, когда я вернулся к ним.

– Итак, сэр, – обратился я к нему, – все это очень интересно. Вы хотите сказать, что его ноги...

– Да, сэр.

– ...касались земли, правильно я понимаю?

– Да, сэр.

– Подтверждаю, – сказал Хичкок. – Он был именно в этом положении, когда я увидел его.

– Мистер Хантун, а сколько времени прошло между первым разом, когда вы увидели тело, и вторым?

– Не более двадцати минут, кажется. Полчаса, может.

– Положение тела изменилось за это время?

– Нет, сэр. Во всяком случае, я не заметил. Было ужасно темно.

– У меня, мистер Хантун, есть еще один вопрос, и после этого я оставлю вас в покое. Увидев его, вы сразу поняли, что это Лерой Фрай?

– Да, сэр.

– Как?

Его щеки залил яркий румянец. Рот скривился вправо.

– Ну, сэр, когда я наткнулся на него, у меня качнулся фонарь. Вот так. И осветил его.

– И вы сразу узнали его?

– Да, сэр. – Кривая усмешка. – Когда я был салагой, кадет Фрай обрил мне половину головы. Прямо перед построением на обед. Господи, какой нагоняй я получил...

Повествование Гаса Лэндора

Лазарь начал попахивать через несколько дней – чем Лерой Фрай отличался от него? Так как никто не планировал воскрешать его из мертвых и родители должны были приехать только через три недели, у руководства академии возникла проблема. Можно было сразу похоронить юношу, а потом стойко выдержать гнев семейства Фрай, – и можно было не класть его в могилу, но тогда возникал риск разложения исковерканного тела. После короткого обсуждения был выбран второй вариант, однако для этого требовался лед, и доктору Марквизу пришлось прибегнуть к практике, которую он наблюдал много лет назад, будучи студентом медицинского факультета Эдинбургского университета. Иными словами, он погрузил Лероя Фрая в ванну со спиртом.

Именно там мы и нашли его, капитан Хичкок и я. Голого, в дубовом ящике, наполненном этанолом. Чтобы закрыть ему рот, между грудиной и челюстью вставили палку, а чтобы он не всплывал, в полость груди насыпали уголь, однако нос все равно маячил над поверхностью, а веки отказывались опускаться. Вот так он и плавал, и казался при этом более живым, чем раньше, как будто его несли к нам волны.

Ящик был проконопачен, но недостаточно плотно, поэтому мы могли слышать, как на козлы падают капли. Вверх поднимался резкий запах спирта, и я понял, что здесь можно

очень быстро опьянеть.

– Капитан, – сказал я, – вы бывали у океана?

Хичкок ответил, что бывал несколько раз.

– А вот я только однажды, – сказал я. – Помню, там была девочка – лет восьми, наверное, – она строила собор из песка. Удивительная штука получалась, с колокольнями, рядом здания клира... Не могу перечислить, как много там было деталей. Она учла все – кроме прилива. Чем быстрее она работала, тем быстрее он наступал. Не прошло и часа, как прекрасное дело ее рук превратилось в кучки на песке. – Я жестом показал, как все сровнялось с песком. – Мудрая девочка не пролила ни слезинки. Иногда я думаю о ней, когда пытаюсь нагрузить посторонними обстоятельствами простые факты. Выстраивается нечто красивое, а потом накатывает волна, и остаются только кучки. Основание. Горе тем, кто об этом забывает.

– А какое у нас основание? – спросил Хичкок.

– Ну, – сказал я, – давайте посмотрим. Есть предположение, что Лерой Фрай хотел умереть. Это, капитан, кажется чертовски хорошим основанием. А зачем еще молодому человеку вешаться на дереве? Он был сломлен; это старая песня. Что сделал бы сломленный человек? Ну, оставил бы записку. Рассказал бы своим друзьям и родственникам, почему решил так поступить. Чтобы услышали, чего он не мог добиться при жизни. Так что... – Я вытянул вперед руку. – Где эта записка, капитан?

– Мы ее не нашли.

– Гм... Ну, не страшно, не все самоубийцы оставляют записку. Господь свидетель, я видел, как многие просто прыгают с моста. Итак, Лерой Фрай устремляется к ближайшему обрыву... О, постойте-ка, он решает повеситься. Только не там, где его легко найти. Возможно, не хотел никому доставлять хлопот... – Помолчав, я продолжил: – Итак, он находит удобное крепкое дерево, перекидывает веревку через ветку... – Я вытянул одну ногу, потом другую. – И обнаруживает, что на своей самодельной виселице даже не оторвется от земли. Ладно, он закрепляет веревку по-другому... Нет, он этого не делает. Нет, Лерой Фрай так жаждет умереть, что просто... продолжает брыкаться. – Я дергаю ногой. – Пока веревка не заканчивает свою работу. – Хмуро смотрю в пол. – Да, дело было долгое, если выполнять его таким образом. А если шея не сломана, то еще более долгое...

Хичкок принял вызов.

– Вы сами говорили, что он был не в себе. Почему мы должны ждать от него разумного поведения?

– Что ж, по моему опыту, капитан, нет ничего разумного в том, что человек решает убить себя. Он просто знает, как собирается это сделать. Однажды... Однажды я видел, как женщина кончает с собой. У нее в голове была очень четкая картина. Пока она все это делала, можно было поклясться, будто она просто вспоминает. И это потому, что она уже видела, как все происходит.

Капитан Хичкок сказал:

– А та женщина, о которой вы говорите, – она была?..

Нет-нет, он этого не сказал. Он вообще какое-то время молчал. Просто наматывал круги вокруг гроба Лероя Фрая, сапогами соскребая воск.

– Возможно, – сказал он, – это был просто пробный забег, который вышел из-под контроля.

– Если верить нашему свидетелю, капитан, то тут ничего не выходило из-под контроля. Ноги на земле, ветка в пределах досягаемости: если б Лерой Фрай хотел все это отменить, он запросто это сделал бы.

Хичкок продолжал расхаживать.

– Веревка, – сказал он. – Узел распустился, когда он повесился. Или кадет Хантун толкнул его сильнее, чем ему показалось. Есть масса...

Он упирался изо всех сил, такова уж была его природа. Я бы восхищался им, но у меня от него уже начали болеть глаза.

– Взгляните сюда, – сказал я.

Скинув сюртук грубого сукна, я закатал рукава рубашки и сунул руку в спиртовую ванну. Сначала шок от холода, потом шок от фантомного жара. И еще причудливое ощущение, будто моя кожа одновременно и растворяется и грубеет. Однако с моей рукой ничего не происходило, я просто поднял голову Лероя Фрая на поверхность. С головой поднялось и тело, жесткое и вытянутое, как дно, на котором оно

лежало. Мне пришлось подсунуть и другую руку, чтобы оно не погрузилось.

– Шея, – сказал я. – Это первое, что удивило меня. Видите? Нет четкого следа. Веревка стянулась и скользила вверх-вниз по шее, словно искала хорошее местечко.

– Как будто...

– Как будто он боролся. И еще взгляните. На пальцы.

Я указал подбородком, и капитан Хичкок после короткой заминки закатал рукава и склонился над телом.

– Видите? – сказал я. – На правой руке. Подушечки.

– Волдыри.

– Именно так. Свежие волдыри, судя по виду. Думаю, он... цеплялся за веревку, пытаюсь содрать ее.

Мы смотрели на запечатанный рот Лероя Фрая, смотрели внимательно, как будто этим могли распечатать его. По какой-то странной случайности в помещении и в самом деле зазвучал голос – не мой, не Хичкока, – зазвучал так громко, что мы резко выпрямились, и тело Лероя Фрая с плеском погрузилось в спирт.

– Позвольте узнать, что вы тут делаете?

Должно быть, мы являли собой жуткое зрелище для доктора Марквиза. Склоненные над гробом, с закатанными рукавами. Прямо-таки дневные грабители могил.

– Доктор! – воскликнул я. – Я счастлив, что вы смогли присоединиться к нам. Мы крайне нуждаемся в медицинском авторитете.

– Джентльмены, – процедил он, – это против всяких правил.

– Абсолютно точно. Вы не будете возражать, если я попрошу вас ощупать затылок мистера Фрая?

Он поборолся за соблюдение правил приличия – по крайней мере, уделил этой борьбе еще несколько секунд своего времени, – а потом последовал нашему примеру. И пока ощупывал череп, его лицо, хмурое от напряжения, постепенно стало умиротворенным. Человек был на своем месте.

– Что там, доктор?

– Пока ничего... Я... Гм... Гм, да. Своего рода ушиб.

– То есть шишка?

– Да.

– Попробуйте описать ее нам.

– Затылочная область, насколько я понимаю... дюйма три в окружности.

– Насколько плотная?

– Выдается... о, примерно на четверть дюйма.

– Скажите, доктор, а что могло стать причиной такой шишки?

– То же, что и любой другой шишки: что-то твердое, вступившее в контакт с головой. Без осмотра больше ничего сказать не могу.

– Удар мог быть нанесен после смерти?

– Маловероятно. Шишку образует экстравазированная кровь – кровь, вытекшая из сосудов. Если она не циркулирует,

ет... если нет сердца... – У него хватило здравомыслия подавить смешок. – Шишки быть не может.

То была медленная, стыдливая работа – возвращать себе цивилизованный вид, раскатывая рукава рубашек и надевая сюртук и мундир.

– Итак, джентльмены, – сказал я, хрустя костяшками пальцев, – что конкретно нам известно? – Не получив ответа, был вынужден отвечать сам: – У нас есть юноша, который никому не рассказывает о своем желании умереть. Не оставляет записки. Умирает, опираясь ногами о землю. У него на затылке имеется... ушиб, как выразился доктор Марквиз. Волдыри на пальцах, ожоги от веревки по всей шее. А теперь я вас спрашиваю: предполагает ли все это, что человек добровольно отправился к Создателю?

Хичкок, как я помню, поглаживал нашивки на своем мундире, словно напоминал себе о своем звании.

– И что, по вашему мнению, произошло? – спросил он.

– О, у меня просто версия, вот и всё. Примерно между десятью и, скажем, одиннадцатью тридцатью Лерой Фрай выходит из комнаты в казарме. Он, естественно, знает, что наверняка наткнется... Простите, а каковы последствия того, что он столкнется с мистером Хичкоком?

– Если покинет казарму после отбоя? Это десять штрафных баллов.

– Десять, да? Значит, он рискует, не так ли? А зачем? Ему очень хочется увидеть Гудзон, как нашему очаровательному

мистеру Хантуну?.. Может, и так. Может, среди ваших кадетов есть тайный отряд любителей природы. Но в случае мистера Фрая я склонен считать, что у него на уме было какое-то особое дело. И только потому, что кто-то ждет его.

– И этот кто-то?.. – сказал доктор Марквиз, не закончив свой вопрос.

– Давайте предположим, что это тот, кто ударил его по голове. Накинул петлю ему на шею. И затянул ее.

Я сделал шаг назад и улыбнулся, глядя в стену, потом вернулся к ним и сказал:

– Естественно, это только версия, джентльмены.

– Думаю, вы скромничаете, – сказал капитан Хичкок довольно оживленным тоном. – Сомневаюсь, что вы стали бы выдвигать версию, не веря в нее.

– О да, – сказал я, – но завтра океан все смоеет, и... пшик.

Тишина, которую нарушало лишь «кап-кап» по козлам и шарканье сапог Хичкока... а потом, наконец, и голос капитана, звучавший все напряженнее с каждым словом.

– Мистер Лэндор, теперь вы поставили нас перед двумя загадками, хотя раньше была одна. По-вашему, получается, что мы должны искать и осквернителя Лероя Фрая, и убийцу Лероя Фрая?

– Если только, – сказал доктор Марквиз, скользя взглядом по нам обоим, – это не одно и то же лицо.

Странно, что предположение высказал именно он, – но он его высказал, и воцарившаяся тишина приобрела совершен-

но новое качество. Все мы, думаю, двигались вверх разными дорогами, но одинаково ощущали изменение высоты.

– Итак, доктор, – сказал я, – единственный, кто может ответить нам, – это бедный юноша в гробу.

Лерой Фрай слегка покачивался в своей ванне; его глаза были широко распахнуты, тело пребывало в окоченении. Скоро, как я знал, трупное окоченение пройдет и суставы начнут двигаться... и, может, тогда, думал я, тело что-нибудь нам откроет.

Именно в тот момент я обратил внимание – снова, должен отметить – на его левую руку, сжатую в кулак.

– Прошу прощения, – сказал я, – если не возражаете...

Вероятно, я произнес эти слова, но уже не отдавал себе отчет в том, что говорю и что делаю. Передо мной стояла единственная цель: добраться до руки Лероя Фрая.

Подтащить руку к свету было невозможно, так как для этого пришлось бы подтаскивать все тело, поэтому я удовлетворился тем, что работал под поверхностью. Остальные двое не понимали, что меня так заинтересовало, пока не услышали треск отогнутого от кулака большого пальца Лероя Фрая. Даже приглушенный спиртом, звук получился ужасным; он напомнил тот, с каким курице рубят шею.

– Мистер Лэндор?

– В чем дело?

Следующий палец разогнулся быстрее. Или, вероятно, я уже знал, какое усилие понадобится.

Щелк. Щелк. Шелк. Шелк.

В раскрытой ладони Лероя Фрая лежало нечто желтое и с неровными краями. Клочок бумаги.

Когда я поднес его к свету, Хичкок и Марквиз уже стояли по обе стороны от меня, и мы вместе читали, молча шевеля губами, как студенты, вглядывающиеся в написанные мелом на доске латинские слова.

АНИ

ТАМА В

АЙ БУДЬ ВО

ДИ НА ВС

– Ну, может, в этом ничего и нет, – сказал я, сворачивая бумажку и убирая ее в карман. Присвистнув, посмотрел на лица своих соратников. – Вернуть пальцы в прежнее положение?

* * *

Мое пребывание в академии нельзя назвать полноценным тюремным заключением. Бывали периоды, особенно в следующие несколько недель, когда эскорт отходил на короткое время или позволял мне на несколько ярдов отклониться от курса. На минуту или даже на две поводок ослабевал, и я оказывался в одиночестве в самом сердце Вест-Пойнта, и тело

давало о себе знать: лысина на голове, хрип в левом легком, боль в бедре... а поверх всего этого то биение – бум-бум-бум, – что я ощутил в кабинете Тайера. Каждый симптом я воспринимал как повод для ликования, так как он означал, что какие-то части меня далеки от академии. Много ли кадетов и даже офицеров могли сказать про себя такое?

А теперь позволь, Читатель, вернуть тебя к тому моменту, когда нас с капитаном Хичкоком (доктора Марквиза мы оставили заглаживать оскорбления, нанесенные личности Лероя Фрая) по пути к квартире суперинтенданта остановил некто профессор Чёрч. У профессора имелась жалоба, предназначенная исключительно для ушей Хичкока. Мужчины отошли в сторону; я немного продвинулся вперед и оказался в саду суперинтенданта. Милый крохотный уголок: рододендроны, астры, дуб, обвитый плетистой розой... Я закрыл глаза и позволил себе опуститься на медную скамью, радуясь одиночеству.

Вот только я оказался не один. Позади меня раздался напряженный голос:

– Прошу прощения...

Я повернулся и увидел его. За грушей. Он показался мне таким же нереальным, как лепрекон. Разве я не наблюдал (или не слышал), как кадетов академии строевым шагом гонят на завтрак, обед и ужин? В класс, на парад, в казармы? Спать и бодрствовать? Я стал думать об этих мальчиках в

страдательном залоге²², и мысль о том, что один из них может выйти из строя ради какого-то своего дела (более важного, чем окунуть ногу в Гудзон), была для меня настолько же дикой, как если б у камня выросли ноги.

– Прошу прощения, сэр, – сказал он. – Вы Огастес Лэндор?

– Да.

– Кадет четвертого класса По, к вашим услугам.

* * *

Начнем с того, что он был слишком стар. Во всяком случае, когда сидел рядом с однокурсниками. Остальные мальчишки все еще сохраняли юношескую прыщавость, у них были большие руки и впалые груди, они легко пугались, будто розга директора школы все еще свистела в воздухе. Этот же кадет был другим: на месте прыщей остались шрамы, осанка была прямой, как у офицера на выздоровлении.

– Как поживаете, мистер По?

Из-под дурацкого кожаного кивера свисали две гладкие черные пряди, превращая глаза – серо-карие, слишком большие для лица – в камеи. А вот зубы, напротив, были маленькими и ровными; такие можно увидеть на ожерелье вождя каннибалов. Изящные зубы соответствовали его конститу-

²² Страдательный залог – грамматическая глагольная форма, подчеркивающая, что предмет мысли является не субъектом действия, а объектом.

ции: он был худым, как соломинка, хрупким, если не считать лба, не влезającego в кивер. Бледный и выпуклый лоб выпирал из всего облика, словно пища анаконды, образующая узел сопротивления в ее теле.

– Сэр, – сказал он, – если не ошибаюсь, вам поручили раскрыть тайну вокруг Лероя Фрая.

– Именно так.

Новость еще не стала официальной, но отрицать ее смысла не было. К тому же молодой человек не питал никаких иллюзий, хотя и колебался, причем настолько долго, что я вынужден был спросить:

– Чем могу помочь, мистер По?

– Мистер Лэндор, я считаю, что честь этого учреждения возлагает на меня ответственность довести до вашего сведения некоторые сделанные мною умозаключения.

– Умозаключения...

– Касательно *l'affaire*²³ Фрая.

При этих словах он откинул голову. Помню, я тогда подумал, что любой, использующий выражение «*l'affaire* Фрая», должен откидывать голову. Точно так же.

– Выслушаю их с величайшим интересом, мистер По.

Он открыл рот, собираясь заговорить, но промолчал и быстро огляделся – чтобы убедиться, я думаю, что никто нас не видит, или, как мне кажется более вероятным, что я уделю ему максимум внимания. Наконец-то выйдя из-за дерева,

²³ Дело (фр.).

замер, выпрямившись в полный рост... а потом наклонился (в этом движении присутствовал намек на извинение) и зашептал мне на ухо:

– Человек, которого вы ищете, – поэт.

Сказав это, По отдал честь, низко поклонился и пошел прочь. Увидел я его, уже когда он смешался с группой кадетов, направлявшихся в столовую.

* * *

Большинство наших встреч затеряны в тумане. Когда кто-то становится жизненно важным для нас, только тогда мы видим в первой встрече значимость, задним числом... хотя, если признаться самим себе, тот, например, мужчина или та женщина были просто лицами среди многих лиц или случайностью. В данном случае, однако, я склонен верить: мое первое впечатление оказалось таким же полным, как и последующие. По той простой причине, что все в нем было неправильно. И всегда будет.

Повествование Гаса Лэндора

6

28 октября

На следующий день я нарушил обет трезвости. День начался, как и все дни великих падений, с благих намерений. Я ехал домой, чтобы забрать кое-какие вещи, и что, как вы думаете, оказалось у меня на пути? Ступеньки, ведущие к таверне Бенни Хевенса. Вывод о том, что меня привела сюда сама Судьба, напрашивался сам собой. Разве у меня не пересохло во рту? Разве Коня тут не ждет охапка вкусного сена? Разве не здесь собираются цивилизованные люди?

И даже когда переступил порог принадлежащего Бенни «Красного дома», я и тогда не собирался пить. Может, только съесть гречневую лепешку миссис Хевенс. И выпить стаканчик ледяного лимонада. Но Бенни приготовил свой знаменитый флип²⁴ – он уже погрузил горячий утюг в смесь взбитых яиц и эля; в воздухе плавал аромат жженого сахара, а в очаге пылал огонь, и я не заметил, как оказался на табу-рете у стойки, и хозяйка уже нарезала жареную индейку, а

²⁴ Флип – исторический английский горячий коктейль из пива, взбитого яйца и крепкого алкогольного напитка, с добавлением сахара и пряностей. – *Прим. пер.*

Бенни наливал флип в оловянный кувшин. Я снова был дома.

Справа от меня – Джаспер Магун, бывший помощник редактора «Нью-Йорк ивнинг пост». Он (как и я) уехал из города из-за состояния своего здоровья, и сейчас, всего пять лет спустя, оглохнув на одно ухо и полностью ослепнув, скатился до того, что упрашивает людей прочесть последние новости, выкрикивая их ему в левое ухо. «Ярмарка в Масонском зале... Еженедельный отчет о смертях... Полезный сироп из сарсапареля²⁵...»

В углу – Эшер Липпард, священник епископальной церкви²⁶, который едва не свалился в море у берегов Мальты; в порыве исправления он стал одним из основателей Американского общества содействия воздержанию... пока его не унес другой порыв. Сейчас он – преданнейший пьяница и воспринимает выпивку с той же серьезностью, что священник – миропомазание.

За соседним от него столом – Джек де Виндт; он в самой гуще судебного процесса по своему иску, в котором утверждает, будто изобрел пароход раньше Фултона. Стал местной легендой по двум причинам: за все платит русскими копейками и поддерживает только обреченных кандидатов: Портера в семнадцатом году, Янга в двадцать четвертом, Рочестера в двадцать шестом... Говорили, если где-то тонет

²⁵ Сарсапарель (смилакс) – род вьющихся кустарников, преимущественно тропических.

²⁶ Епископальная церковь – одна из конфессий англиканства.

корабль, на него непременно взберется де Виндт. Он непотопляем, как пробка, и всегда с радостью заявляет, что, как только Фултон отдаст ему причитающееся, он найдет Северо-западный проход²⁷ – и уже сейчас подыскивает собак.

И еще – сам Бенни, пастух этих стриженных овец. Невысокий, далеко за тридцать, со взмокшими от пота черными волосами, ртом старика и глазами молодого. Человек гордый: пусть он обслуживает лодочников и бездельников, но зато всегда в крахмальной рубашке и галстук-бабочке. Хотя, по мнению большинства, Бенни всю свою жизнь прожил в долине Гудзона, в его речи иногда проскакивает тягучий провинциальный говор.

– Послушай, Лэндор, я рассказывал тебе о папаше Джима Донегана? Он был деревенским могильщиком. Одевал мертвецов к похоронам в лучшие одежды, повязывал им галстуки.... В общем, когда моему приятелю Джиму требовалась помощь с галстуком, его папаша говорил: «Джим, ляг вот на кровать и закрой глаза, лады? Да, и еще сложи руки на груди, вот так». Точно говорю, иначе он своему сыну помочь не мог – тому нужно было сначала лечь. И он никогда не задумывался о том, как человек смотрится сзади – ведь у мертвых задницу никто не видит.

Коктейлей, сервируемых в лучших заведениях Манхэтте-

²⁷ Северо-западный проход – морской путь между Атлантическим и Тихим океанами через Северный Ледовитый; его много раз пытались найти мореплаватели, а впервые пройден полностью он был экспедицией Р. Амурдсена в 1903–1906 гг. – *Прим. пер.*

на, у Бенни Хевенса не найти. Здесь есть чистые виски и бурбон²⁸, благодарствуем, ром и пиво, ну а тем, кто уже немного не в себе, за бурбон вполне сойдет рутбир²⁹. Но не думай, Читатель, что наш Бенни так же прост, как его окружение. Он и его жена (о чем они с гордостью расскажут вам) – единственные граждане Соединенных Штатов, которым закон запрещает ступать на территорию Вест-Пойнта. На основании того, что несколько лет назад их поймали на поставке кадетам виски.

– Конгресс должен был наградить нас медалью, вот мое мнение, – обычно говорит Бенни. – Солдаты нуждаются в выпивке так же, как и в картечи.

Кадеты склонны смотреть на ситуацию с точки зрения Бенни, и когда им становится невмоготу от жажды, они отваживаются на риск и бегут в заведение Хевенса. А если такого шанса у них нет, всегда есть Пэтси, буфетчица Бенни; она под покровом ночи доставляет груз прямым в Вест-Пойнт. Такой способ предпочитают бóльшая часть кадетов, так как Пэтси не считает зазорным, как они говорят, добавить к счету саму себя. Вполне возможно (и не думайте, что мы не де-

²⁸ Бурбон (основным сырьем для изготовления является кукуруза, а не «европейские» зерновые) часто воспринимается как американский национальный вид виски, однако в целом, учитывая все особенности производства, это довольно отличные друг от друга напитки.

²⁹ Рутбир (корневое пиво) – шипучий напиток из корневой коры и других частей растений (например, лозы упоминавшегося выше смилакса), в наши дни преимущественно безалкогольный.

дали ставки), что наша Пэтси открыла дорогу к женским тайнам как минимум двум десяткам кадетов. Хотя кто может сказать наверняка? Пэтси рассказывает обо всем, только не о самом действе, и, не исключено, всего лишь подстраивается под существующее у людей представление о буфетчице. Играет девицу такого типа, созерцая свою игру с большого расстояния. Если честно, могу поручиться, что она отдает себя только одному мужчине, и едва ли он будет хвастаться этим перед кем-то.

Вот она, появилась из буфетной; черные глаза и батистовые панталоны. Шляпка чуть маловата, бедра чуть великоваты (на чей-то вкус).

– Ангел мой! – вполне искренне крикнул я.

– Гас, – ответила она.

Голос у нее ровный, как стол, но это не остановило Джека де Виндта.

– О, – простонал он, – я голоден, как волк, мисс Пэтси.

– Гм, – сказала она. – Гм. – Провела руками по глазам и исчезла в кухне.

– Что ее так печалит? – спросил я.

– О. – Слепой Джаспер мрачно покачал головой. – Не суди ее строго, Лэндор. Она потеряла одного из своих мальчиков.

– То есть?

– Ты, наверное, слышал, – сказал Бенни. – Парень по фамилии Фрай. Однажды отдал мне непромокаемое одеяло за две порции виски. Естественно, не свое. В общем, бедняга

на днях повесился... – Бросив взгляд вправо и влево, он наклонился ко мне и самым громким шепотом добавил: – Знаешь, что еще я слышал? Стая волков вырвала у него всю печень. – Он выпрямился и принялся с особой тщательностью вытирать кружку. – А, да что я тебе рассказываю! Ты же побывал в Вест-Пойнте.

– Бенни, а где ты это услышал?

– Сорока одна на хвосте принесла.

Чем меньше городок, тем быстрее разносятся вести. А Баттермилк-Фоллз просто крохотный. Даже его жители чуть меньше ростом, чем в среднем по стране. Если не считать огромного торговца жестью, который заглядывает в город дважды в год, я определенно являюсь самым высоким в округе.

– Уж больно эти сороки болтливы, – сказал Слепой Джаспер, уныло кивая.

– Послушай, Бенни, – сказал я, – ты сам с Фраем когда-нибудь разговаривал?

– Раз или два, вот и всё. Бедняге нужна была помощь с коническими сечениями.

– О, – сказал Джек, – сомневаюсь, что ему нужна была помощь именно с коническими сечениями.

Он, возможно, сказал бы еще что-нибудь, но тут опять вышла Пэтси, на этот раз с блюдом лепешек. Стыд вынудил нас замолчать. Только когда она шла в футе от меня, я осмелился потянуть ее за подол.

– Сочувствую, Пэтси. Я не знал, что этот парень, Фрай, был...

– Не был, – сказала она. – Во всяком случае, не в том качестве. Но хотел быть, и это должно что-то значить, правда?

– Расскажи нам, – попросил Джаспер. – Что мешало тебе быть благосклонной к нему, а, Пэтси?

– Ничего такого, что он мог бы исправить. Господи, ты же знаешь, что мне нравятся темненькие мужчины. Рыжие волосы хорошо смотрятся наверху, а внизу они никуда не годятся. Это один из моих принципов. – Она поставила блюдо и нахмурилась, глядя в пол. – Не могу понять, что заставило мальчика сотворить с собой такое. Он оказался слишком юным для того, чтобы правильно все сделать.

– В каком смысле правильно? – спросил я.

– Ну как же, Гас, он же даже не смог правильно отмерить веревку. Умирал три часа, сказали они...

– Они, Пэтси? Кто эти они?

Она ненадолго задумалась, прежде чем изменить свою первоначальную оценку.

– Он. – И кивнула в сторону дальнего угла.

Угол находился дальше всего от очага Бенни, и в этот конкретный вечер его оккупировал молодой кадет. Ружье стояло у стены позади него. Кожаный кивер лежал на самом краю стола. Черные волосы пропитались потом, бледное лицо наполовину скрывала тень.

Трудно сказать, сколько правил он нарушил, чтобы приий-

ти сюда. Покинул территорию Вест-Пойнта без разрешения... посетил заведение, где продается алкоголь... посетил вышеназванное заведение с целью выпить вышеназванный алкоголь. Естественно, эти правила нарушали множество кадетов, но они всегда делали это ночью, когда стража спит. Сейчас же я впервые видел, как Бенни впустил его при свете дня.

Он не заметил моего приближения, кадет четвертого класса По. Что было тому причиной, задумчивость или ступор, сказать не могу, но я простоял целых полминуты в ожидании, когда он поднимет голову, и уже был готов идти прочь, когда до меня донеслись тихие звуки – то ли слова, то ли заклинания.

– Добрый день, – сказал я.

По резко вскинул голову; его огромные глаза округлились.

– Ой, это вы! – воскликнул он. Едва не опрокинув стул, вскочил, схватил меня за руку и стал трясти ее. – Боже, присаживайтесь... Да, прошу вас, присаживайтесь. Мистер Хевенс! Выпивку для моего друга.

– А кто будет платить? – Я бормотание Бенни услышал, а вот молодой человек, должно быть, нет, потому что поманил меня к себе и тихо-тихо сказал: – Мистер Хевенс здесь...

– Лэндор, что он там обо мне говорит?

Рассмеявшись, По на мгновение закрыл ладонями рот.

– Мистер Хевенс здесь, в этой богом забытой пустыне, единственный близкий мне по духу человек.

– Тронут слышать такое.

Хочу внести ясность: во всем, что говорит Бенни, присутствует двойственность. Надо быть давним завсегдаем, чтобы улавливать и то, что сказано, и комментарии на сказанное, если учесть, что и одно и другое говорится одновременно. По не был таким завсегдаем, поэтому он поддался порыву повторить все, уже громче:

– В этом мрачном, богом забытом... логове... хищных филистеров. Единственный, и пусть меня поразит молния, если я вру!

– Я уже рыдаю, мистер По. Продолжайте.

– И его очаровательная жена, – сказал молодой человек. – И Пэтси. Благословенная... Геба гор! – Довольный столь образным сравнением, он стаканом отсалютовал той, что вдохновила его.

– Это какая порция? – спросил я, и мой вопрос прозвучал для меня в духе Сильвануса Тайера, от чего мне стало неудобно.

– Не помню, – сказал По.

У его правого локтя выстроилась батарея из четырех стаканов. Он перехватил мой взгляд, когда я их подсчитывал.

– Не мои, мистер Лэндор. Так уж получается, что Пэтси не очень рьяно следит за чистотой. Горюет.

– Но вы, мистер По, все же кажетесь немного... под хмельком.

– Вероятно, вы имеете в виду мою пугающе хрупкую кон-

ституцию. Достаточно всего одной порции, и я уже не в себе. Две – и я шатаюсь, как боксер. Это заболевание, подтвержденное несколькими выдающимися врачами.

– Очень прискорбно, мистер По.

Он принял мое сочувствие кратчайшим кивком.

– А теперь, – сказал я, – пока вы не шатаетесь, можете кое-что мне рассказать?

– Почту за честь.

– Как вы узнали, в каком положении было тело Лероя Фрая?

Вопрос подействовал на него как оскорбление.

– Как откуда? От Хантуна, естественно. Он разносил новость, как городской глашатай. Возможно, кто-нибудь вскоре вздернет и его.

– Вздернет и его, – повторил я. – Надеюсь, вы не хотите сказать, что кто-то вздернул мистера Фрая?

– Я вообще ничего не хочу сказать.

– Поведайте мне вот что. Почему вы считаете, что человек, вынувший сердце у Лероя Фрая, – поэт?

Этот вопрос был совершенно иного рода, поэтому кадет сосредоточился. Отставил стакан. Поправил рукава мундира.

– Мистер Лэндор, – сказал он, – сердце – это символ, иначе оно бесполезно. Забери символ, и что останется? Горстка мышц, представляющая не больший интерес, чем мочевой пузырь. Забрать у человека сердце – значит сосредоточить

внимание на символе. Кто лучше подходит для такого дела, кроме поэта?

– Поэта, мыслящего до ужаса буквально, как мне кажется.

– О, мистер Лэндор, вы же не станете делать вид, будто этот акт дикости в буквальном смысле не отозвался в глубинах вашего разума. Позвольте очертить свой круг ассоциаций. В первый момент я подумал о Чайльд-Гарольде³⁰: «И сердце, хоть разбитое, живет»³¹. Следующая мысль была об очаровательной песне лорда Саклинга³²: «Прошу, верни мое мне сердце, ведь взять твое я не могу». Учитывая, как мало для меня значит религиозная ортодоксальность, вызывает удивление то, что я очень часто обращаюсь к Библии: «Сердце чистое сотвори во мне, Боже»... «Сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже»³³.

– Тогда нам, мистер По, стоит поискать религиозного ма-
ньяка.

– Вот! – Он стукнул кулаком по столу. – Символ веры, вы об этом? Давайте вернемся к латыни: он начинается со слова *credo*, которое произошло от существительного *cardia*, означающего «сердце», да? Только, конечно, у «сердца» нет категории состояния в английском. Поэтому мы переводим

³⁰ Чайльд-Гарольд – главный герой поэмы Дж. Г. Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда», «байронический тип».

³¹ Пер. В. Левика.

³² Джон Саклинг (1609 – после 1641) – английский поэт, представитель близкой ко двору династии Стюартов «школы кавалеров».

³³ Псал. 50:12 и 50:19 соответственно.

credo как «верую», хотя буквально это означает «кладу свое сердце» или «отдаю свое сердце». Короче говоря, дело не в том, чтобы отрицать существование тела или выходить за его пределы, а, скорее, в том, чтобы отчуждать его. Такова эволюция мирской веры. – Мрачно улыбаясь, он откинулся на спинку стула. – Поэзия, другими словами.

Возможно, По заметил, как дернулись уголки моего рта, потому что он, кажется, тут же усомнился в своих умозаключениях... а потом вдруг рассмеялся и постучал себя по виску.

– Забыл предупредить вас, мистер Лэндор!.. Я сам поэт. Следовательно, склонен думать как поэты. Ничего не могу с собой поделывать, видите ли.

– Еще одно заболевание, да, мистер По?

– Да, – не моргнув глазом, заявил он. – Я намерен пожертвовать свое тело науке.

Я тогда подумал, что он наверняка хорошо играет в карты. Потому что умеет мастерски блефовать.

– Боюсь, я нечасто обращаюсь к поэзии, – сказал я.

– А с какой стати? Вы же американец.

– А вы, мистер По?

– Я художник. То есть родины не имею.

Ему очень понравились эти слова. Он дал им повращаться в воздухе, как подброшенной монете.

– Что ж, – сказал я, вставая. – Благодарю вас, мистер По. Вы очень помогли.

– О! – Он ухватил меня за руку и вынудил сесть. (Сколько же силы в этих тонких пальцах!) – Вам наверняка захочется взглянуть на кадета по фамилии Лафборо.

– Почему, мистер По?

– Вчера на вечернем построении я случайно заметил, что он сбился с шага. Он постоянно путал «налево» и «кругом». Это указало мне на сознание, работающее в отвлеченном состоянии. Кроме того, его поведение в столовой сегодня утром было не таким, как обычно.

– И о чем это нам говорит?

– Ну, если б вы были знакомы с ним, то поняли бы, что он болтает больше, чем Кассандра, причем с тем же эффектом. Его, видите ли, никто не слушает, даже его ближайшие друзья. Сегодня же он не нуждался в слушателях.

Чтобы подкрепить свои слова, По накинул на лицо невидимую вуаль и замер, погруженный в размышления, изображая Лафборо. С одной только разницей: он просиял в одно мгновение, как будто кто-то бросил в него спичку.

– Кажется, я не упоминал о том, что Лафборо когда-то был соседом по комнате Лероя Фрая. До того, как между ними случилась ссора, природа коей остается неизвестной.

– Странно, что вы знаете об этом, мистер По.

Ленивое пожатие плеч.

– Наверняка кто-то мне рассказал – а как еще я мог узнать? Людям нравится откровенничать со мной, мистер Лэндор. Я происхожу из древнего рода франкских вождей.

Еще на заре цивилизации нам было оказано большое доверие; и это доверие всегда оправдывалось.

И снова он с вызовом откинул голову – я заметил этот жест еще там, в саду суперинтенданта. Он готов был храбро встретить любую насмешку.

– Мистер По, – сказал я, – прошу меня извинить. Я все еще пытаюсь получить представление о том, кто приходил и уходил из академии, но вас, как мне кажется, по всей вероятности, где-то ждут.

Он дико посмотрел на меня, как будто я вырвал его из горячего сна. Резко отодвинул стакан и, вскочив, выдохнул:

– Который час?

– Ох, сейчас посмотрю, – сказал я, вынимая часы из кармана. – Двадцать... двадцать две минуты третьего. – Молчание. – Дня, – добавил я.

В его серых глазах стал разгораться какой-то огонь.

– Мистер Хевенс, – громко произнес он, – я вынужден буду расплатиться в следующий раз.

– О, у вас, мистер По, всегда следующий раз...

Со всем возможным спокойствием он водрузил кожаный кивер на голову, застегнул пуговицы из желтой латуни, схватил ружье. Не задумываясь – пять месяцев кадетской жизни оставили на нем свой отпечаток. А вот с ходьбой получилось по-другому: он шел с величайшей осторожностью, словно перешагивал через русло ручья. У двери остановился и с улыбкой сказал:

– Дамы. Господа. Желаю вам хорошего дня.

И вышел.

* * *

Не знаю, что заставило меня пойти за ним. Я должен был бы подумать, что меня озаботило его благополучие, но, вероятнее всего, он стал для меня незаконченной историей. И я пошел... сразу вслед за ним... И когда мы приблизились к каменным ступеням, я услышал размеренный топот, доносившийся с юга и быстро приближавшийся.

По уже бежал на звук. Добравшись до самого верха, обернулся, одарил меня кривой улыбкой и поднес палец к губам, а потом выглянул из-за вяза, чтобы выяснить, что происходит на дороге.

Сначала зазвучала знакомая дробь барабанов, потом сквозь стволы деревьев стали видны силуэты. Кадеты шли строем в две шеренги, взбираясь вверх по длинному склону холма, и, судя по их виду, половину дневного марш-броска они уже преодолели. Шли медленно, подавшись вперед и согнувшись под тяжестью вещмешков. Они были так измучены, что даже не поворачивались в нашу сторону, просто шли мимо. Только когда они почти скрылись из виду, По последовал за ними, постепенно сокращая разделявшее их расстояние. Пятнадцать футов... десять... и вот он уже присоединяется к хвосту колонны, уверенно вливается в ряды и вме-

сте с отрядом переваливает через гребень холма. Он ничем не отличается от своих товарищей, если не считать немного напряженной осанки и еще вот этого: прощального взмаха руки.

Я несколько мгновений смотрел им вслед, не желая разрушать воспоминание о нем. Потом пошел обратно к таверне – и оказался там как раз в тот момент, когда преподобный Липпард говорил:

– Я и сам подался бы в армию, если б знал, что буду регулярно там выпивать.

Повествование Гаса Лэндора

7

29 октября

Следующим делом было опросить близких друзей Лероя Фрая, построенных после обеда у офицерской столовой, – мрачных молодых людей с блестящими от жира губами. Когда они вошли, Хичкок ответил на их приветственный салют и скомандовал: «Вольно!», и они со шлепком соединили руки за спиной и выпятили подбородки – вот такое «вольное», Читатель. У них ушла минута или две на то, чтобы уяснить, что вопросы им буду задавать я, однако после этого они продолжали пялиться на командира, и когда опрос закончился, они, глядя на Хичкока, спросили: «Это всё, сэр?». «Да», – ответил им командир; они отдали честь и вышли. И так продолжалось примерно час: кадеты десятками заходили в столовую и выходили. Когда за последним закрылась дверь, Хичкок повернулся ко мне и сказал:

– Боюсь, мы зря потратили время.

– Почему, капитан?

– Никто не знает, как Фрай провел последние часы. Никто не видел, как он выходил из казармы. Мы оказались там же, откуда начинали.

– Гм. Никто не станет возражать, если мы еще раз вызовем мистера Стоддарда?

Вернулся Стоддард, изгибаясь, как содержательница пивной. Кадет второго класса из Южной Каролины, сын плантатора сорго. У него, бедняги, была ярко-алая родинка на щеке и плохой послужной список: примерно сто двадцать штрафных баллов, а до конца года оставалось еще два месяца. Он созрел для исключения.

– Капитан Хичкок, – сказал я, – если какой-нибудь кадет даст нам информацию касательно последних часов Лероя Фрая, сможем ли мы рассматривать, гм, снятие с него взысканий за проступки, которые он, возможно, совершил?

После короткого колебания согласие было дано.

– А теперь, мистер Стоддард, – сказал я, – я хочу поинтересоваться, всё ли вы нам рассказали.

Нет, не всё. Похоже, поздно вечером двадцать пятого октября этот самый Стоддард выходил из комнаты своего приятеля. Прошел час или около того после сигнала вечерней зари, когда кадет осторожно поднимался по лестнице в Северных казармах и услышал шаги – кто-то спускался. Сержант Локк, подумал он, делает вечерний обход. Вжался в стену и слушал, как шаги приближаются...

Оказалось, что волноваться нечего. Всего лишь Лерой Фрай.

– Как вы узнали, кто это? – спросил я.

Сначала Стоддард ничего не понял. Но Фрай, спускаясь,

задел его локтем по плечу и испуганно вскрикнул:

«Кто здесь?»

«Это я, Лерой».

«Джулиус? Офицеры рядом есть?»

«Нет, всё чисто».

Фрай продолжил спускаться, а Стоддард, не подозревая, что видит друга в последний раз, отправился спать и проспал до подъема.

– Все эти сведения нам весьма полезны, мистер Стоддард. А теперь я хочу спросить, что еще вы можете нам рассказать. К примеру, как выглядел мистер Фрай?

– Ох, на лестнице было очень темно, поэтому трудно что-либо сказать.

– Мистер Стоддард, он имел что-либо при себе? Веревку или что-то вроде этого?

Ничего такого он не разглядел. Было темно... очень темно...

Нет, подождите-ка, сказал он. Кое-что все же есть. Когда Лерой пошел прочь, Стоддард окликнул его:

«Куда ты в такое время?»

И на это Лерой Фрай сказал:

«По нужному делу».

Это шутка, видите ли. Когда кадетам ночью надо облегчиться – и они не хотят оставлять это в ночном горшке, – они ходят в уличный сортир, и если им на пути встречается офицер, им достаточно сказать: «По нужному делу, сэр»,

чтобы их пропустили (правда, с расчетом, что быстро вернутся назад). Но Стоддарда в той ситуации удивило то, что Фрай сделал ударение на втором слове.

По нужному. По нужному делу.

– И что, по вашему мнению, мистер Стоддард, это означало?

Он не знает. Фрай говорил тихим шепотом, неразборчиво.

– Значит, он куда-то спешил?

Может, и так. А может, просто резвился.

– Значит, он показался вам веселым?

Да, в хорошем настроении. Не походил на человека, который собирается собственными руками лишиться себя жизни. Но ведь заранее никогда не угадаешь, правда? Когда-то у Стоддарда был дядька, у которого резко менялось настроение: всего минуту назад он намыливал лицо, насвистывая «Эй, Бетти Мартин», – и вот уже замахивается бритвой, целясь в шею, даже не закончив бритье.

Хичкок смотрел ему вслед. Не отрывая взгляда от двери, он задал вопрос, который донимал его.

– Мистер Лэндор, откуда вы узнали?

– Вы имеете в виду, о Стоддарде? Думаю, все дело в его плечах. Уверен, вы, капитан, заметили, что кадеты, когда их опрашивают в присутствии офицера, от напряжения и волнения как бы сжимаются.

– Я отлично это знаю. Мы называем это «допросным горбом».

– Да, конечно, но когда испытание заканчивается, плечи естественным образом возвращаются в обычное положение, расправляются. А вот у Стоддарда этого не произошло. Он покинул помещение таким же согнутым.

Взгляд красивых карих глаз Хичкока задержался на мне. На губах замаячила тень улыбки. А потом он с излишней серьезностью сказал:

– Мистер Лэндор, вызывать других кадетов?

– Нет, в этом нет надобности. Но я с радостью побеседовал бы с кадетом Лафборо, если не возражаете.

Это заняло немного больше времени. Обед закончился, и Лафборо находился в группе по естественной философии – стоял перед классной доской, – и вызов стал для него благословенной передышкой. Но передышка перестала быть благословенной, когда он вошел в помещение и увидел командира, сидящего за столом со сложенными руками, и меня... Интересно, что он подумал обо мне? Он был из Делавэра. Коротконогий, с ямочками на щеках и блестящими обсидиановыми глазами, которые, скорее, смотрели внутрь, чем на окружающий мир.

– Мистер Лафборо, – сказал я, – вы были соседом по комнате мистера Фрая, насколько мне известно.

– Да, сэр. Когда мы были на первом курсе.

– А потом между вами случился разлад.

– О. Ну, что до этого, я не назвал бы случившееся разладом. Просто наши дороги разошлись, сэр. Думаю, так ближе

к фактам.

– И что заставило вас разойтись?

Между его бровями залегла складка.

– О, ничего такого... важного, я бы сказал.

Он вздрогнул, когда прозвучал голос капитана Хичкока:

– Мистер Лафборо, если вам известно что-либо касательно мистера Фрая, вы обязаны изложить нам это. Немедленно.

Признаюсь, я сочувствовал мальчику. Если он действительно болтун, как утверждал По, для него, вероятно, очень мучительно не находить слов.

– Дело в следующем, сэр, – сказал он. – С того момента, как узнал о кадете Фрае, я все время мысленно пересматривал один инцидент.

– И когда этот инцидент случился? – спросил я.

– Давно, сэр. Два года назад.

– Не так давно. Пожалуйста, продолжайте.

И тут он заявил:

– Я не буду рассказывать, черт побери.

Нет, он сказал другое:

– Дело было однажды вечером в мае...

– В мае тысяча восемьсот двадцать восьмого?

– Да, сэр. Я помню, потому что моя сестра написала, что выходит замуж за Гэбриела Гилда; письмо пришло сюда за неделю до свадьбы, и мне пришлось отвечать на адрес моего дяди в Довере, так как я знал, что сестра остановится там на

неделе после свадьбы, а то была первая неделя июня...

– Спасибо, мистер Лафборо. – (Он нашел-таки свой источник красноречия.) – Давайте перейдем к инциденту как таковому, хорошо? Вы можете рассказать нам – вкратце, – что произошло в тот самый вечер?

Теперь перед ним была поставлена задача. И он, сдвинув брови, приступил к ее исполнению.

– Лерой сбежал.

– Куда он отправился?

– Не знаю, сэр. Он просто попросил, чтобы я прикрыл его.

– На следующее утро он вернулся?

– Да, сэр. Хотя его и прищучили за отсутствие на утренней перекличке.

– Он так и не рассказал вам, куда ходил?

– Нет, сэр. – Лафборо бросил быстрый взгляд на Хичкока. – Но мне показалось, что он был чем-то обеспокоен.

– Обеспокоен?

– Всего чуть-чуть, сэр, потому что, хоть он и был робок при знакомстве, потом, при тесном общении, его легко было разговорить, а сейчас он вообще не хотел разговаривать, на что я не обратил особого внимания, если не считать того, что он вообще отказывался встречаться со мной взглядом. Я спросил, не обидел ли я его чем-то, но он ответил «нет», что обидел его не я. Я спросил кто, – ведь мы, как-никак, были лучшими друзьями.

– Но он вам не ответил.

– Вот и всё, сэр. Но как-то вечером – дело было в июле – он признался... сказал, что связался с плохой компанией.

Краем глаза я увидел, как Хичкок подался вперед – всего на дюйм.

– С плохой компанией? – повторил я. – Это его собственные слова?

– Да, сэр.

– Он не сообщил вам... какова природа этой компании?

– Нет, сэр. Я, естественно, сказал ему, что, если там творится нечто противозаконное, он обязан доложить. – Кадет второго класса улыбнулся Хичкоку, ожидая одобрения, которого тот не дал.

– Мистер Лафборо, под «компанией» он подразумевал других кадетов?

– Он так и не объяснил. Я предположил, что это кадеты, потому что кто еще это мог быть? Если, конечно, Лерой не задружился с бомбардирами, сэр.

Я уже достаточно долго пробыл в Вест-Пойнте, чтобы знать: «бомбардиры» – это военнослужащие артиллерийского полка, расквартированного на той же территории, что и кадетские подразделения. Кадеты воспринимают их так же, как красивая дочка фермера – старого мула: нужен, но шика недостает. Что до бомбардиров, то они считают кадетов неженками, с которыми приходится нянчиться.

– Итак, мистер Лафборо, несмотря на все ваши усилия, ваш друг отказался распространяться на эту тему. А спустя

какое-то время вы двое... разошлись, кажется, так вы выразились?

– Вероятно, сэр. Он больше не хотел дурачиться в комнате или ходить купаться. Даже от кадетских вечеринок держался подальше. А потом вдруг вступил в молитвенный отряд.

Руки Хичкока стали раздвигаться в стороны.

– Что ж, любопытно, – сказал я. – Он обрел веру, не так ли?

– Я бы не... В смысле, я не знаю, терял ли он ее, сэр. Однако, думаю, не особо был ей привержен. Всегда жаловался на пребывание в часовне. Но к тому времени он уже связался с новым окружением, а я, вероятно, оставался старым, и вот так... вот так оно и вышло, сэр.

– А это новое окружение – вам известны их имена?

Пять имен – столько он смог вспомнить, и все они были в той группе, что мы только что опрашивали. Лафборо продолжал называть одни и те же имена, снова и снова связывая их воедино... пока Хичкок не поднял руку и не сказал:

– Почему вы не доложили об этом раньше?

Перебитый на полуслове молодой человек замер с раскрытым ртом.

– Ну, вот сейчас докладываю, сэр. Я не... не предполагал, что это важно. Да и случилось давно.

– И все же, – сказал я, – мы вам очень признательны, мистер Лафборо. Если вспомните что-нибудь еще, что может оказаться полезным, пожалуйста, не сомневайтесь ни мину-

ты.

Кадет кивнул мне, отдал честь Хичкоку и пошел к двери. И там остановился.

– Что-то еще? – спросил Хичкок.

Перед нами снова был первоначальный Лафборо, каким он вошел в помещение.

– Сэр, – сказал он, – есть... у меня есть одна проблема, с которой я давно борюсь. Касающаяся этики.

– Да?

– Если человек знает, что его друг переживает из-за чего-то, и этот друг уходит и делает что-то... неподобающее... В общем, тут возникает дилемма: должен ли этот человек чувствовать себя ответственным? Если подумать: может, будь он хорошим другом, его друг все еще был бы среди нас, да и вообще все было бы лучше?

Хичкок ущипнул себя за мочку уха.

– Думаю, мистер Лафборо, в гипотетическом смысле совесть того человека была бы чиста. Он сделал все возможное.

– Спасибо, сэр.

– Что-то еще?

– Нет, сэр.

Лафборо почти вышел за дверь, когда ему вдогонку прозвучал голос Хичкока:

– В следующий раз, мистер Лафборо, когда предстанете перед офицером, проследите, чтобы пуговицы вашего мундира были застегнуты. Один штрафной балл.

Мое джентльменское соглашение с академией требовало, чтобы я постоянно совещался с Хичкоком. Сегодня же на встрече захотел присутствовать Тайер.

Мы собрались в малой гостиной. Молли принесла лепешки и пирожки с говядиной; Тайер разлил чай; старинные часы в коридоре отсчитывали время; бордовые шторы отсекали солнце. Жуть, Читатель.

Прошло целых двадцать минут, прежде чем кто-то решился заговорить о деле, и даже тогда мы не продвинулись дальше вопросов общего характера. Однако ровно без тринадцати минут пять суперинтендант Тайер поставил свою чашку на стол и переплел пальцы на коленях.

– Мистер Лэндор, – сказал он, – вы твердо уверены в том, что Лерой Фрай был убит?

– Твердо.

– Мы приблизились к тому, чтобы узнать личность убийцы?

– Я узнаю об этом, только когда подойду к раскрытию.

Он ненадолго задумался над моими словами. Затем, прокусив в лепешке дырку размером с десятицентовик, спросил:

– Вы продолжаете считать, что оба преступления связаны? Убийство и осквернение?

– Что ж, в данном случае скажу так: нельзя вынуть у чело-

века сердце, пока он в состоянии этому воспрепятствовать.

– И это означает?..

– Полковник, какова вероятность того, чтобы у двух разных людей в одну и ту же ночь октября возникли злобные планы в отношении Лероя Фрая?

Я видел, что Тайер уже задавался этим вопросом. Но то, что вопрос был произнесен вслух, подействовало на него гнетуще. Складки вокруг его рта углубились.

– Значит, – более тихо сказал он, – вы действуете, исходя из предположения, что за обоими преступлениями стоит один и тот же человек?

– Один человек и, возможно, сообщник. Но давайте говорить об одном. Лучше начинать с этого.

– Получается, что лишь вмешательство мистера Хантуна удержало злоумышленника от того, чтобы вырезать сердце у Лероя Фрая немедленно?

– Пока давайте предполагать именно так.

– Лишенный возможности выполнить задачу – пожалуйста, поправьте меня, если я ошибаюсь, – этот человек ухватился за шанс похитить тело мистера Фрая из госпиталя и приступил к претворению в жизнь своих первоначальных намерений?

– Давайте предположим и это.

– А этот человек, он один из нас?

Хичкок резко встал и повернулся ко мне лицом, словно преграждая мне путь к бегству.

– Полковник Тайер и я хотели бы знать следующее, – сказал он. – Угрожает ли жизни наших кадетов присутствие этого безумца?

– Вот этого я вам сказать не могу. Сожалею.

Они восприняли мой ответ со всем возможным спокойствием. У меня возникло ощущение, что даже пожалели меня за незнание. Налили себе еще чаю и стали задавать более конкретные вопросы. К примеру, что я сделал с клочком бумажки, найденным в руке Лероя Фрая. (Я ответил, что все еще работаю над ним.) Захотели узнать, намерен ли я опросить преподавательский состав. (Да, ответил я, всех, кто когда-либо вел занятия у Лероя Фрая.) Намерен ли я опросить других кадетов. (Да, всех, кто был знаком с Лероем Фраем.)

Здесь, в гостиной полковника Тайера, с мерно тикающими на заднем фоне часами, время текло ужасающе степенно. Мы уже давно успокоились, все, кроме меня, потому что мое сердце вдруг начало судорожно биться. Бу-бух. Бу-бух.

– Вы плохо чувствуете себя, мистер Лэндор?

Я вытер пот на висках и сказал:

– Джентльмены, если не возражаете, я хотел бы попросить вас об одном одолжении.

– Говорите.

Вероятно, они ожидали, что я попрошу холодное полотенце или свежего воздуха. Вместо этого они услышали:

– Я хотел бы привлечь одного из ваших кадетов в качестве помощника.

Я понимал, что перехожу границы. С самого начала наших отношений Тайер и Хичкок очень внимательно следили за тем, чтобы не нарушить линию между военным и гражданским. И тут я вознамерился разрушить всю их работу. О, это возмутило их. Опустились чашки, вскинулись головы, и на меня посыпались спокойные, веские, обоснованные соображения... Мне пришлось зажать ладонями уши, чтобы заставить их замолчать.

– Прошу вас! Вы не поняли меня, джентльмены. Эта роль не должна иметь официальный характер. Просто мне нужен человек, который стал бы моими глазами и ушами в кадетских подразделениях. Моим агентом, если хотите. И чем меньше людей будет знать об этом, тем лучше.

Хичкок несколько мгновений пристально смотрел на меня. А потом мягким голосом спросил:

– Вам нужен тот, кто будет шпионить за своими товарищами?

– Да, тот, кто станет нашим шпионом. Ведь это не нанесет большого ущерба армейской чести, не так ли?

И все же они сопротивлялись. Хичкок сосредоточился на своей чашке. Тайер непрерывно смахивал с голубого рукава одну и ту же пылинку.

Я встал и, пройдя в дальний конец комнаты, сказал:

– Джентльмены, вы связали мне руки. Мне запрещено свободно появляться среди кадетов, мне запрещено разговаривать с ними без вашего разрешения, мне запрещено еще и

то, и это. Даже если б я нашел такую возможность, – сказал я, поднимая руку, чтобы пресечь возражения Тайера, – даже если б я нашел такую возможность, что это мне дало бы? Пусть молодые люди ограничены в своих действиях, но они могут хранить тайны. Со всем моим уважением, полковник Тайер, ваша система вынуждает их хранить тайны. Которые они открывают только своим.

Действительно ли я верил в это? Не знаю. Я обнаружил, что иногда, в некоторых случаях, утверждение о том, что ты веришь во что-то, делает это что-то настоящим. Зато мои слова заставили замолчать Тайера и Хичкока.

А потом – медленно, не сразу – они согласились. Не помню, кто первым сдвинулся с места, но один из них точно сдвинулся, чуть-чуть. Я заверил их в том, что этот драгоценный кадет сможет и дальше ходить на занятия и участвовать в учениях, выполнять свои обязанности, сохранять свою репутацию среди однокурсников. Я сказал им, что он получит огромный опыт в сборе разведанных, а это будет способствовать его карьерному росту. Медали, ленты... светлое будущее...

Да, они согласились. Не могу сказать, что они тепло отнеслись к идее, однако вскоре уже перекидывались именами, как крокетными мячиками. Что насчет Клея-младшего? Что насчет Дюпона? Кибби – воплощение благоразумия, Риджли изворотлив...

Сидя на своем месте, держа лепешку в руке и робко улы-

баясь, я подался к ним.

– А что вы скажете насчет кадета По? – спросил я.

По их молчанию я решил, что имя ничего им не говорит. Я ошибся.

– По?

* * *

Возражений оказалось слишком много. Начать с того, что По был кадетом четвертого класса, который еще не сдавал экзаменов. К этому добавить то, что за время пребывания в академии он превратился в воплощение проблем с дисциплиной. (Жутких проблем.) Он получал нарекания за отсутствие на вечернем построении, на классном построении, на разводе караулов. Он проявил – в нескольких случаях – дух оскорбительного высокомерия. В прошлом месяце его имя красовалось в списке главных нарушителей. По всем показателям он...

– Семьдесят пятый, – быстро вставил Тайер. – В классе из восьмидесяти человек.

То, что ненадежному, непроверенному кадету-первогодку будет предоставлено преимущество перед старшими товарищами, которые хорошо показали себя, станет ужасающим примером... беспрецедентным прецедентом...

Я выслушал их до конца – будучи военными, они настаивали на этом, – а когда закончили, сказал:

– Джентльмены, позвольте напомнить вам: эта задача по своей природе не может быть возложена на тех, кто выше рангом. Офицеры кадетов – ну всем же известно, что они докладывают вам, разве нет? Если бы мне было что скрывать, поверьте, я не поделился бы с офицером. Я поделился бы с каким-нибудь... каким-нибудь По.

После этих слов Тайер сделал странную вещь: скрутил уголки глаз, оттянув кожу так, что стала видна красная выстилка.

– Мистер Лэндор, – сказал он, – все это в высшей степени не отвечает правилам.

– Все наше дело не отвечает правилам, не так ли? – Я чуть резче добавил: – Именно По навел меня на этого парня, Лафборо. Он обладает умением наблюдать. Которое, замечу, скрыто под нагромождением самоуверенности и похвальбы. Но я умею просеивать, джентльмены.

Справа от себя я услышал удивленный голос Хичкока:

– Вы искренне считаете, что По подходит для этого?

– Ну, не знаю... Но да, я распознал в нем некоторые признаки. – Видя, как Тайер качает головой, я сказал: – Если он не справится, я возьму кого-нибудь из ваших Клеев или Дюпонов и назову это компромиссом.

Хичкок вдруг прикрыл рот рукой – вероятно, чтобы слова, произнесенные в следующее мгновение, прозвучали так, будто он уже взял их назад.

– Строго с точки зрения академических дисциплин, – ска-

зал он, – По очень силен. Даже Берар не отрицает, что он обладает интеллектом.

– Росс тоже, – мрачно добавил Тайер.

– Кто-то может возразить, что в сравнении с другими первогодками он не такой уж незрелый. Предыдущая служба, вероятно, научила его определенному самообладанию.

Ну вот, впервые за день я узнал что-то новое.

– По служил в армии? – спросил я.

– Три года был рядовым, прежде чем поступил сюда.

– Что ж, эта новость застала меня врасплох... По сказал мне, что он поэт.

– О, это так, – сказал Хичкок, печально улыбаясь. – Я являюсь счастливым обладателем двух его томов.

– В них есть какие-то достоинства?

– Да, в некоторой степени. Очень мало здравого смысла... во всяком случае, ничего такого, что я смог понять своим скудным умом. Думаю, в юности он перебрал Шелли³⁴.

– Если б Шелли был единственным, с чем он перебирает, – пробормотал Тайер.

Ты простишь меня, Читатель, за то, что я побледнел от этих слов. Прошло менее суток с тех пор, как я смотрел вслед кадету По, уходившему от Бенни Хевенса; впрочем, едва ли меня должна была шокировать новость, что у Тайера глаза

³⁴ Перси Биши Шелли (1792–1822) – великий английский поэт-романтик, друг Байрона, муж М. Шелли, автора романа «Франкенштейн, или Современный Прометей».

на каждом дереве.

– Итак, – быстро заговорил я, – я с облегчением узнаю, что поэзия ему дается. Он показался мне человеком, склонным выдумывать истории. Просто чтобы быть в центре внимания.

– Очень интригующие истории, – сказал Хичкок. – Как минимум троим он рассказывал, что приходится внуком Бенедикту Арнольду.

Думаю, именно невменяемость подобного заявления заставила меня дать волю смеху, который закружился по прохладной, душной, сонной гостиной. Заявить такое в Вест-Пойнте – в месте, чью передачу королю Георгу обдумывал Арнольд, в месте, которое он отдал бы, если б майор Андре не арестовал его, – о, такое находится за пределами здравого смысла.

Это, естественно, не было попыткой понравиться Сильванусу Тайеру. Его губы, как я заметил, вдруг сжались в тонкую линию, а глаза приобрели голубоватый оттенок льда, когда он повернулся к Хичкоку и сказал:

– Вы забыли самую интригующую историю По. Он утверждает, что является убийцей.

Наступила довольно долгая пауза. Я видел, как Хичкок качает головой и морщится, глядя в пол.

– Ну, – сказал я, – вы же не можете верить в эту сказку. Тот молодой человек, с которым я познакомился, никогда бы... не отнял...

– Если б я в нее верил, – отрезал Тайер, – он уже не был

бы кадетом Военной академии Соединенных Штатов. Можете не сомневаться. – Он взял чашку и допил остатки. – Вопрос, мистер Лэндор, в том, верите ли в это вы. – Он поставил чашку на колено. Чашка покачнулась и начала падать, но его рука уже спешила подхватить ее. – Полагаю, – сказал он, сдавленно зевая, – если вы так уж горите желанием использовать этого По, вам, возможно, захочется самому расспросить его.

Повествование Гаса Лэндора

8

30 октября

После того как пыль осела, остался единственный вопрос: как договориться с этим По. Хичкоку нравилась идея затащить его в какой-нибудь укромный уголок для тайной встречи. Что до меня, то я склонялся к тому, чтобы подойти к нему у всех на виду – так было проще спрятать то, чем мы занимались. Поэтому утром в среду мы с Хичкоком заявили незваными гостями на занятие группы, где числился По. Занятие вел Клодиус Берар.

Месье Берар был французом с историей уклонения от военной службы. Будучи юным в период правления Наполеона, он избежал исполнения военного долга цивилизованными средствами, наняв себе замену. Все шло хорошо, пока заменяющий по беспечности не попал под пушечный снаряд в Испании и не поставил месье Берара перед необходимостью выполнять свой долг. Тот, не будь дураком, взял и сбежал за океан, где превратился в странствующего преподавателя французского: сначала в Дикинсон-колледже, а потом в Военной академии Соединенных Штатов. Как бы далеко ты ни сбежал, армия все равно найдет тебя. А если так, наверня-

ка размышлял месье Берар, то гораздо приятнее служить в горах Гудзона и слушать, как американская молодежь грызет гранит науки, постигая французский язык. А может, это оказалось таким же мучительным страданием, какое ждало его по возвращении домой? Короче, месье Берар задавал себе множество вопросов, и от этого скептического настроения у него в самом центре глаза образовалось пятнышко, которое двигалось, даже когда глаз был неподвижным.

Сейчас же, при виде своего командира, он вскочил на ноги; кадеты тоже поднялись с лавок. Хичкок жестом велел им сесть, а мне указал на место у самой двери.

Опустившись на свой стул, месье Берар устремил взгляд на кадета четвертого класса, стоявшего в центре комнаты и, щурясь, вглядывался в книгу в красном кожаном переплете.

– Продолжайте, мистер Планкетт, – сказал француз.

Несчастный кадет стал продираться через тернии прозы:

– «Он приехал на постоянный двор и отвел в стойло свою лошадь. Затем он съел... сытный обед из хлеба и... яда».

– Ах, мистер Планкетт, – сказал преподаватель, – не очень аппетитный обед, даже для кадета... «Poisson» переводится как «рыба»³⁵.

Получив замечание, кадет приготовился продолжить, но был остановлен взмахом пухлой белой руки месье Берара.

– Достаточно. Можете сесть. В следующий раз попрошу

³⁵ «Poison», с одной «s», по-французски и по-английски пишется одинаково (произношение разное) и означает «яд».

вас быть более внимательным с предлогами. Ваша оценка один и три.

Еще три кадета сломались на том же тексте и получили оценки два и пять, один и девять и два и один соответственно. Пара кадетов трудилась у доски, с трудом спрягая глаголы. Никто не произносил ни слова по-французски. Изучение языка ограничивалось переводом военных текстов, и многие ученики наверняка спрашивали себя, зачем они тратят время на хлеб с ядом, когда могли бы изучать теорию Жомини³⁶ на местности. Приводить ли убедительные доводы в пользу Вольтера и Лесажа³⁷ – это оставалось на усмотрение месье Берара, но он был слишком уставшим. Лишь один раз, за десять минут до конца урока, он все же стряхнул с себя апатию. Иными словами, сложил руки и слегка повысил голос:

– Мистер По, прошу.

В дальнем конце комнаты вскинулась голова, затем кадет вскочил на ноги.

– Мистер По, прошу вас, переведите следующий отрывок из главы второй «*Histoire de Gil Blas*».

За три шага кадет оказался на середине комнаты. Перед ним был Берар, по бокам – сокурсники, за всем наблюдал командир; он был в центре внимания и знал это. Открыв кни-

³⁶ Генрих (Антуан-Анри) Жомини (1779–1869) – швейцарский военный теоретик.

³⁷ Ален Рене Лесаж (1668–1747) – французский писатель-сатирик, автор одного из самых известных плутовских романов, «История Жиль Бласа из Сантьяны» (См. далее по тексту).

гу, По откашлялся – дважды – и начал.

– «Пока мне готовили яйца, я вступил в беседу с хозяйкой, которую никогда раньше не видел. Она показалась мне достаточно привлекательной...»

В тот момент стали ясны две вещи. Первая: он знает французский лучше других. И вторая: он хотел, чтобы именно его прочтение «Жиль Бласа» сохранилось для последующих поколений.

– «Он подошел ко мне с доброжелательным настроением: “Я узнал, что вы...” о, скажем так: “знаменитый Жиль Блас из Сантьяны, украшение Овьедо и факел...” прошу прощения: “светило философии”».

Представление так захватило меня – внезапные вскидывания подбородка, рассекающие воздух движения рук, – что я не сразу заметил перемену в лице Берара. Да, он улыбался, но взгляд его оставался по-кошачьи жестким, и это навело меня на мысль, что ловушка уже захлопнулась. Вскоре я получил необходимое подтверждение, когда среди кадетов слышались смешки.

– «Возможно ли, что нам...» под этим он, как я полагаю, подразумевает других людей в помещении... «что всем нам довелось созерцать этого гения, этот великий ум, чья слава разлетелась по всей стране? “Разве вы не знаете, – продолжал он, обращаясь к хозяину и хозяйке, – разве вы не знаете, кого принимаете?”»

Смешки стали громче. Взгляды стали смелее.

– «Как, да ведь ваш дом приютил настоящее сокровище!»
Один кадет пихнул локтем соседа. Другой рукой зажал рот.

– «В этом господине вы лицезрите восьмое чудо света!»
Вздохи и сдавленный смех, но По терпел; его голос поднимался, чтобы перекрыть шум.

– «Затем, повернувшись ко мне и обняв меня, он добавил: “Простите мои порывы, я и не надеялся, что смогу совладать...”»

Наконец По сделал паузу, но лишь для того, чтобы вложить всю силу в заключительные слова:

– «...с тем несказанным удовольствием, что мне доставляет ваше присутствие».

Берар сидел, тихо улыбаясь, а кадеты визжали и улюлюкали. Они, возможно, сорвали бы крышу академии, если бы их не остановил кашель капитана Хичкока. Один короткий звук, почти не слышимый мне, – и в комнате воцарилась тишина.

– Спасибо, мистер По, – сказал Берар. – Как обычно, вы вышли за рамки требований литературного перевода. Предлагаю вам в будущем оставить украшательство мистериу Смоллетту³⁸. Однако вы отлично уловили смысл отрывка. Ваша оценка два и семь.

По ничего не сказал. Не двинулся. Он продолжал стоять

³⁸ Имеется в виду шотландский писатель и поэт Тобиас Джордж Смоллетт (1721–1771), переводчик книги на английский.

посередине комнаты; в его глазах полыхал огонь, на скулах играли желваки.

– Мистер По, можете сесть.

Только после этого он пошел на свое место – медленно, с прямой спиной, ни на кого не глядя.

Минуту спустя барабаны уже отбивали сбор на обед. Кадеты встали, отодвигая грифельные доски и забирая кивера. Хичкок дождался, когда они потянутся к двери, и окликнул:

– Мистер По, задержитесь.

По остановился так резко, что кадету, шедшему за ним, пришлось уворачиваться от столкновения.

– Сэр? – Он прищурился; испачканные мелом руки теребили кожаный козырек.

– Мы хотели бы поговорить с вами.

Он плотно сжал губы и, подойдя к нам, повернул голову в сторону последнего кадеты, вышедшего из помещения.

– Можете сесть, мистер По.

Голос Хичкока, как я заметил, звучал мягче обычного, когда он жестом указал кадету на место рядом с собой. Думаю, трудно быть грубым с тем, кто одарил тебя двумя изданиями своей поэзии.

– Мистер Лэндор хотел бы, чтобы вы уделите ему несколько минут своего времени, – сказал командир. – Мы уже освободили вас от построения на обед, так что сможете пойти в столовую, когда будете готовы. Вам что-нибудь еще нужно, мистер Лэндор?

– Нет, спасибо.

– Тогда, джентльмены, желаю вам хорошего дня.

Вот этого я не ожидал – что Хичкок уйдет со сцены. Вслед за ним вышел Берар, и мы остались в комнате вдвоем. Сидели на своих местах и смотрели перед собой, как квакеры³⁹ на собрании.

– Отважное выступление, – наконец сказал я.

– Отважное? – спросил он. – Я просто делал то, что попросил месье Берар.

– Готов поспорить, вы уже читали «Жиль Бласа».

Хоть и краешком глаза, но я все же увидел, как его губы растягиваются.

– Вас это забавляет, мистер По?

– Я просто думаю о своем отце.

– Старшем По?

– Старшем Аллане, – сказал он. – Что за меркантильный жучила... Однажды он – о, это было несколько лет назад – застал меня за чтением «Жиль Бласа» в его гостиной. Грозно спросил, зачем я трачу время на такую чушь. И вот мы здесь... – Рукой обвел комнату. – В стране инженеров, где Жиль Блас – король. – Коротко улыбнувшись, побарабанил пальцами. – Конечно, в переводе Смоллетта есть свое очарование, но он сгущает краски, не так ли? Если зимой будет

³⁹ Квакеры – члены Религиозного общества друзей, объединяющего представителей различных протестантских и близких протестантизму конфессий, а также внеконфессиональных религиозных групп.

время, сделаю свой вариант. Первый экземпляр отправится мистеру Аллану.

Я достал порцию табака и положил в рот. Сладкий пряный сок обжег слизистую щек и вызвал покалывание в задних зубах.

– Если кто-нибудь из однокурсников спросит вас, – сказал я, – прошу вас, ответьте, что это была самая обычная беседа. Мы всего лишь обсуждали ваше знакомство с Лероем Фраем.

– Не было никакого знакомства, – сказал По. – Я никогда не общался с ним.

– Тогда, как ни печально, меня ввели в заблуждение. Мы от души посмеялись над этим и разошлись добрыми друзьями.

– Если это не беседа, то что?

– Предложение. Работы.

По посмотрел мне прямо в лицо. И ничего не сказал.

– Прежде чем я продолжу, – сказал я, – хочу предупредить вас... дайте-ка вспомнить... что «это предложение зависит от удовлетворительного выполнения вами своих обязанностей как кадета». О, и «если вы потерпите неудачу в исполнении этих обязанностей или уклонитесь от них, то тут же лишитесь своего места». – Я посмотрел на него и добавил: – Вот о чем вас хотели бы известить полковник Тайер и капитан Хичкок.

Имена оказали именно тот эффект, на который и были

рассчитаны. Полагаю, большинство салаг – даже этот, с его большими претензиями – думают, будто руководство не удостоивает их своим вниманием. В тот момент, когда они понимают обратное, тут же начинают стремиться быть достойными этого внимания.

– Оплаты никакой не будет, – продолжал я. – Вы должны понимать это. Вы не сможете хвастаться своей работой. Ни один из ваших товарищей не должен когда-либо узнать о том, чем вы занимаетесь. А если вдруг узнают, то, скорее всего, проклянут вас.

Он одарил меня ленивой улыбкой. Его серые глаза заблестели.

– Против такого предложения невозможно устоять, мистер Лэндор. Пожалуйста, расскажите побольше.

– Мистер По, когда я был констеблем в Нью-Йорке – дело было не так давно, – я в огромной степени полагался на новости. Не на те, о которых пишут в газетах, а на те, что сообщают люди. И людей, которые приносили эти новости, нельзя было назвать, как говорится, благовоспитанными. Вы никогда не пригласили бы их на обед, не пошли бы с ними на концерт, вы вообще отказались бы появляться с ними на публике. В большинстве своем низкопробные преступники – воры, скупщики краденого, фальшивомонетчики. За два гроша они готовы пустить с молотка своих детей и продать матерей – фальшивых матерей, своих у них нет. И я не знаю ни одного полицейского, который мог бы делать свою работу

без них.

По сидел, склонив голову, постепенно осознавая важность моих слов. А потом, четко произнося каждый слог, словно в ожидании эха, сказал:

– Вы хотите, чтобы я стал информатором.

– *Наблюдателем*, мистер По. Другими словами, я хочу, чтобы вы были тем, кем уже являетесь.

– И за чем мне надо наблюдать?

– Не могу вам сказать.

– Почему?

– Потому что я и сам пока не знаю.

Он дернул плечом.

– Мистер По, не возражаете, если я расскажу вам одну историю? Когда я был мальчишкой, отец взял меня с собой на ночную встречу с проповедником в Индиане. Отец собирал свои новости. Мы увидели, как привлекательные молодые женщины рыдают, стонут и визжат так, что у них синеют лица. Какой стоял шум! Проповедник – красивый джентльмен с гордой осанкой – так завел их, что они падали в обморок. Одна за другой, как мертвые деревья. Помню, я тогда подумал: как им повезло, что рядом есть те, кто может их подхватить, – ведь они даже не видят, куда падают. Не видели все, кроме одной; она действовала по-другому. Она... слегка поворачивала голову, прежде чем падать. Она хотела убедиться, понимаете ли, что ее подхватит кто надо. И кто, по-вашему, был тот счастливчик? Да сам проповедник! Ко-

торый радушно принимал ее в царство Божье.

Я прошел к доске, провел по ней рукой, ощутил ладонью шероховатую поверхность.

– Полгода спустя проповедник сбежал с ней. Предварительно позаботившись о том, чтобы прикончить свою жену – он, видите ли, не хотел стать двоеженцем. Их поймали в нескольких милях к югу от канадской границы. Никто не подозревал, что они любовники. Никто, кроме меня, наверное, но даже я... даже я не знал об этом, просто видел все. Не понимая, что вижу.

Я повернулся и обнаружил, что По с сухой улыбкой изучает меня.

– И в тот момент, – сказал он, – родилось ваше призвание. Забавно, другие кадеты, когда я беседовал с ними наедине, относились ко мне с тем же подобострастием, что и к своему командиру. А вот По – нет. С самого начала в наших отношениях присутствовало нечто... Я бы не назвал это непринужденностью – скорее, родственностью.

– Позвольте спросить, – сказал я, – на днях, когда вы возвращались в строй...

– Да?

– Тот джентльмен в конце строя, маршировавший в одиночестве. Он ваш друг... сосед по комнате?

Долгая пауза.

– Сосед по комнате, – осторожно сказал По.

– Я так и подумал. Он повернул голову, когда вы примкну-

ли к шеренге. Даже не удивился. Это навело меня на мысль, что он ждал вас. Он ваш друг, мистер По? Или должник?

По закинул голову и уставился в потолок.

– И то и другое, – ответил он, вздыхая. – Я пишу за него письма.

– Письма?

– У Джареда есть возлюбленная, живет на пустошах Северной Каролины. Они обручены и собираются пожениться после выпуска из академии. Из-за нее он может вылететь.

– Тогда зачем вы пишете за него письма?

– О, он малограмотен. Не распознает косвенное дополнение, даже если оно заползет ему в нос. Зато, мистер Лэндор, у него аккуратный почерк. Я просто набрасываю *billets-doux*⁴⁰, а он переписывает.

– И она считает, что письма принадлежат его перу?

– Я очень осторожен: то подброшу корявую фразу, то напишу с ошибками, характерными для деревенских. Для меня это своего рода приключение.

Я вернулся к своему месту и сел.

– Итак, мистер По, сегодня я узнал кое-что интересное. И все благодаря тому, что заметил, как тот молодой человек повернул голову. Вы точно так же заметили, как кадет Лафборо сбился с шага в строю.

Он хмыкнул и уставился на свои сапоги. Потом сказал, словно самому себе:

⁴⁰ Любовные послания (*фр.*).

– Отправить кадета на ловлю кадета...

– Ну, пока мы не знаем, кадет ли это. Но нам очень поможет, если кто-то будет смотреть изнутри. И я не могу представить никого, кто подошел бы для этого лучше вас. Никого, кто с радостью принял бы этот вызов.

– А моя миссия ограничится только этим? Наблюдением?

– Ну, с течением времени мы поймем, что ищем; вы же соответствующим образом натренируете глаз. А сейчас я хочу вам кое-что показать. Это обрывок записки. Я попросил бы вас попробовать свои силы в его расшифровке. Естественно, – добавил я, – вам придется работать тайно. И быть предельно точным. В максимальной степени.

– Понятно.

– Точность – это всё.

– Понятно.

– А теперь, мистер По, мы подошли к той части нашей беседы, когда вам следует сказать «да» или «нет».

Он встал, впервые с начала нашего разговора. Подошел к окну, устремил взгляд вдаль. Я не осмелюсь предполагать, какие эмоции бурлили в нем, но скажу следующее: По знал, что, чем дольше будет стоять там, тем сильнее будет их влияние.

– Это будет «да», – наконец произнес молодой человек.

Когда он повернулся ко мне, на его лице была кривая улыбка.

– Я противоестественно счастлив стать вашим шпионом,

мистер Лэндор; это большая честь.

– Быть вашим куратором, – сказал я, – не меньшая честь, уверяю вас.

По взаимному согласию мы обменялись рукопожатием, как бы осеняя формальностью наши будущие отношения, и быстро разомкнули руки, словно уже нарушили какой-то свод правил.

– Итак, – сказал я, – полагаю, вы можете идти обедать. Почему бы нам не назначить следующую встречу на воскресенье после службы? Как вы думаете, вы сможете незаметно выбраться в гостиницу к мистеру Коззенсу?

Он кивнул, дважды, а потом, не говоря ни слова, направился к двери. Чопорно одернул мундир. Надел кивер.

– Мистер По, могу я кое о чем спросить?

Он сделал шаг назад.

– Конечно.

– Это правда, что вы – убийца?

Его физиономия расплылась в широченной улыбке. Представь, Читатель, как в этой улыбке засияли два ряда прекрасных белых зубов.

– Вам, мистер Лэндор, придется выразаться более точно.

Письмо Гаса Лэндора Генри Кирку Риду

30 октября 1830 года

Компания «Расследования Рида»

712, Грейси-стрит

Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Генри!

От меня не было вестей целую вечность. Прости. С тех пор как мы приехали в Баттермилк-Фоллз, я собирался нанести тебе визит, но шли дни, пароходы приходили и уходили, а Лэндор сидел на месте. Может, как-нибудь в другой раз.

А пока у меня для тебя есть работа. Не переживай, я хорошо заплачу, и, поскольку срочность играет решающую роль, заплачу даже чуть лучше, чем хорошо.

Если ты согласен, то твоя задача состоит в том, чтобы выяснить все возможное о некоем Эдгаре А. По. Из Ричмонда. В настоящий момент он кадет четвертого класса в Военной академии Соединенных Штатов. До этого служил в армии. Еще опубликовал два сборника своих стихов, и едва ли кто-то об этом знает. Кроме этого, мне почти ничего

о нем не известно. Я хотел бы, чтобы ты выяснил – выяснил все – об истории его семьи, воспитании, предыдущих местах работы, нынешних сложностях. Если он где-то наделал дел, я хотел бы, чтобы ты и это выяснил.

Еще мне нужно знать, обвинялся ли он когда-нибудь в преступлении. Например, в убийстве.

Как я сказал, дело срочное. Если тебе удастся справиться с задачей и переслать мне собранную информацию недели за четыре, буду твоим вечным должником и поручусь за тебя у врат рая. (За меня ручаться нет смысла.)

Как всегда, выставь счет за все расходы.

И напомни обо мне Рейчел! Когда будешь писать ответ, расскажи об этом чудовище, омнибусе, что терроризирует городские улицы. Я слышал только какие-то обрывки, но и так понимаю, что конец кэбам и цивилизации. Прошу, успокой меня. Без цивилизации я еще обошелся бы, а вот без кэба – нет.

Твой Гас Лэндор

Письмо Гасу Лэндору

30 октября 1830 года

Дорогой мистер Лэндор!

Оставляю это письмо в гостинице в преддверии нашей встречи.

Ваше настойчивое требование точности – во всем! – вдохновило меня на то, чтобы воскресить сонет, который может оказаться к месту. (Не забывая при этом, естественно, что Вы редко «обращаетесь» к поэзии, – да, я помню.)

*Наука! ты – дитя Седых Времен!
Меня все вниманьем глаз прозрачных,
Зачем тревожишь ты поэта сон,
О коршун! крылья чьи – взмах истин мрачных!*

*Тебя любить? и мудрой счесть тебя?
Зачем же ты мертвишь его усилья,
Когда, алмазы неба возлюбя,
Он мчится ввысь, раскинув смело крылья!*

*Дианы коней кто остановил?
Кто из леса изгнал Гамадриаду,
Услав искать приюта меж светил?*

*Кто выхватил из лона вод Наяду?
Из веток Эльфа? Кто бред летних грез,
Меж тамарисов, от меня унес?⁴¹*

⁴¹ «Сонет к науке». Пер. В. Брюсова.

Я часто вспоминаю эти строки, когда начинаю задыхаться от сферической геометрии и алгебры Лакруа.

Кстати, хочу предупредить, мистер Лэндор: у меня для Вас есть одно новое сочинение – пока не законченное. Думаю, Вы «обратитесь» к нему и решите, что оно играет немало-важную роль в нашем расследовании.

Ваш верный слуга

Э. П.

Письмо Эдгару А. По,

кадету четвертого класса

31 октября 1830 года

Мистер По!

Я прочитал Ваше стихотворение с величайшим удовольствием и – надеюсь, Вы простите меня – недоумением. Боюсь, все эти Наяды и Гамадриады выше моего понимания. Очень жаль, что рядом нет моей дочери – она бы все мне перевела. Она всегда была бескомпромиссным романтиком и изучила Мильтона⁴² вдоль и поперек.

⁴² Джон Мильтон (1608–1674) – великий английский поэт, прежде всего из-

Надеюсь, моя тупость не отобьет у Вас желание присылать мне свои стихи, касаются они нашего дела или нет. Я жажду развития событий не меньше, чем остальные, и какая разница, кто поспособствует этому развитию.

Что до Науки, надеюсь, Вы не принимаете за нее то, что делаю я.

Ваши

Г. Л.

P.S. Дружеское напоминание: встречаемся в моей гостиной в воскресенье днем, после службы. Я в номере 12.

Из «Газеты Покипси», колонка «Разное»

31 октября 1830 года

Школа для юных барышень. Миссис Э. Г. Патнем 30 августа открывает новый учебный год в своей школе по Уайт-стрит, 20. Количество учеников в классе английского языка ограничено тридцатью. Занятия ведет сама миссис П. Уроки французского, музыки, рисования и чистописания – высокореспектабельные учителя.

Страшное происшествие. Корова и овца, принадлежащие известный как автор поэмы «Потерянный рай»; оказал определенное влияние на романтизм, который развился более чем через столетие после его смерти.

мистеру Элиасу Хамфрису из Хаверстроу, были найдены в пятницу с перерезанными глотками. Мистер Хамфрис также сообщает, что тела животных жестоким образом вскрыли и вынули сердца. Никаких следов этого органа не осталось. Преступник, ответственный за злодеяние, не найден. До газеты дошли слухи о подобном происшествии с коровой мистера Джозефа Л. Роя, соседа мистера Хамфриса. Подтверждение слухов не получено.

Канальные сборы. Сумма сборов за проход по каналам штата на 1 сентября составила 514 000 долларов, что примерно на 100 000 долларов больше суммы, собранной...

Повествование Гаса Лэндора

9

31 октября

– Скот! – вскричал Хичкок, замахиваясь газетой, как саблей. – Теперь в жертву приносят домашний скот. Неужели ни одному из божьих созданий не уберечься от этого безумца?

– Так ведь, – сказал я, – уж лучше коровы, чем кадеты.

Его ноздри раздувались, как у быка, и я понял, каково это – быть кадетом.

– Прошу вас, капитан, не надо так волноваться. Мы же пока не знаем, тот же ли это человек.

– Если нет, это стало бы экстраординарным совпадением.

– Тогда, – сказал я, – мы можем хотя бы утешиться сознанием, что он переключил свое внимание с академии.

Нахмурившись, Хичкок провел пальцами по рукоятке парадной сабли.

– Хаверстроу не так далеко отсюда, – сказал он. – Любой кадет смог бы добраться туда за час – или меньше, если бы раздобыл лошадь.

– Вы правы, – сказал я. – Кадет мог запросто преодолеть это расстояние. – Вероятно, я и в самом деле был не прочь спровоцировать этого бравого солдата и добропорядочного

американца – а иначе зачем у меня возникло желание добавить: – Или офицер?

В ответ я получил суровый взгляд и покачивание головы. И короткий допрос. Осмотрел ли я ледник? Да, осмотрел. Что я там нашел? Много льда. Что еще? Ни сердца, ни улики.

Так, хорошо, беседовал ли я с преподавателями академии? Да, беседовал. Что они рассказали? Они проинформировали меня об оценках Лероя Фрая по минералогии и измерениям и поспешили сообщить, что он очень любил сушеный пекан. А еще попытались заполнить пробелы своими версиями. Лейтенант Кинсли посоветовал взглянуть на положение звезд. Профессор Чёрч поинтересовался, не слышал ли я об экстремальных практиках друидов. Капитан Эней Маккей, квартирмейстер, заверил меня в том, что кража сердца – ритуал инициации у некоторых племен семинолов (до сих пор существует).

Не разжимая губ, Хичкок втянул в себя воздух и с шипением выдохнул.

– Не побоюсь признаться, мистер Лэндор, что я крайне обеспокоен. Юноша и парочка бессловесных тварей. Наверняка между ними существует связь, но я пока ее не вижу. Я не в состоянии, хоть убейте, уяснить, ради чего человеку могли понадобиться все эти...

– Все эти сердца, – сказал я. – Вы правы, это очень любопытно. Ну, а мой друг По считает, что это дело рук поэта.

– Тогда, вероятно, – сказал Хичкок, отряхивая рукав мун-

дира, – нам следует прислушаться к совету Платона и исключить всех поэтов из нашего общества. Начиная с мистера По.

* * *

То воскресенье было холодным и бесконечным. Помню, я одиноко сидел в гостиничном номере; створка окна была поднята, и если я вскидывал голову, то мог видеть дорогу на Ньюбург и дальше, в горы Шаванганк. Облака напоминали воротники вокруг пиков, солнце вычертило сверкающую дорожку вдоль Гудзона, и порывы ветра, поднимавшиеся из лощин, будоражили поверхность воды.

Ага! Точно по расписанию: пароход Северной реки «Палисадо», четыре часа назад вышедший из Нью-Йорка, подходит к пристани Вест-Пойнта. На всех палубах под навесами толпятся пассажиры, притиснутые друг к другу плотнее, чем любовники. Розовые шляпки, голубые, как яйца малиновки, зонтики и ярко-фиолетовые страусиные перья – сам Господь не додумался бы до такого сочетания цветов.

Прозвучал гудок, вверх вырвались клубы пара, и рабочие заняли свои места вдоль трапов. Мне было видно, как на воду, трепеща, что твой осиновый лист, спускается крохотная лодка, нагруженная телами и багажом. В королевство Сильвануса Тайера прибыли новые любопытные. Я наклонился вперед, пытаюсь разглядеть их...

И обнаружил, что они разглядывают меня.

Их лица были подняты вверх, их бинокли – большие и маленькие, театральные, – направлены на мое окно. Я встал с кресла и сделал шаг назад... еще один... пока они не пропали из поля зрения; однако все равно сохранилось ощущение, будто они преследуют меня и в комнате, и я собрался уже опустить раму и закрыть ставни, когда за подоконник ухватилась рука – обыкновенная человеческая рука.

Я не закричал. Думаю, даже не шевельнулся. Помню, единственной моей эмоцией было любопытство, такое же, какое испытывает пехотинец, когда созерцает летящее в него пушечное ядро. Я стоял в центре комнаты и наблюдал, как еще одна рука – сестра первой – ухватилась за подоконник. Я услышал глухое ворчание и, затаив дыхание, смотрел, как в проеме окна появляется слегка покосившийся набок кивера. За кивером последовали завитки черных волос и большие серые глаза, потом нос. Ну, а потом два ряда крепко стиснутых зубов.

Кадет четвертого класса По к моим услугам.

Без единого слова он перевалился через подоконник... замер, чтобы перевести дух... перекинул ноги и приземлился на пол. Мгновенно выпрямившись, снял кивер, взлохматил волосы и поприветствовал меня европейским поклоном.

– Мои извинения за опоздание, – сказал он, тяжело дыша. – Надеюсь, не заставил долго ждать.

Я, не отрываясь, разглядывал его.

– У нас назначена встреча, – сказал По. – Сразу после

службы, как вы и предложили.

Я подошел к окну и посмотрел вниз. До земли было три этажа, а дальше на сто футов тянулся крутой склон, заканчивавшийся камнями и рекой.

– Глупец, – сказал я. – Безмозглый глупец.

– Вы сами настояли на том, чтобы встретиться при свете дня, мистер Лэндор. А как еще я мог попасть к вам, не привлекая внимания?

– Не привлекая внимания? – Я с грохотом опустил створку. – Неужели вы не понимаете, что вас видели все на пароходе! Как вы забирались в гостиницу. Не удивлюсь, если сюда уже выслали армейскую охрану...

Я подошел к двери и прислушался, как будто в любую секунду в номер могли ворваться бомбардиры. Однако они не ворвались, и я почувствовал (с некоторым разочарованием), что мой гнев гаснет. Поэтому недовольно пробормотал:

– Вы могли убиться.

– О, высота тут небольшая, – деловым тоном сообщил он. – Не хотелось бы превозносить себя, мистер Лэндор, но должен сообщить, что я великолепно плаваю. Когда мне было пятнадцать, я проплыл семь с половиной миль по реке Джеймс против течения в жаркий день со скоростью три мили в час. Рядом с этим заплыв Байрона через Дарданеллы – детская шалость.

Вытерев пот со лба, По плюхнулся в качалку с плетеным сиденьем у окна и принялся дергать себя за пальцы так, что-

бы щелкали костяшки – звук походил на тот, что издавали пальцы Лероя Фрая, когда я разгибал их.

– А теперь рассказывайте, – попросил я, усаживаясь на край кровати. – Как вы узнали, какое окно мое?

– Я увидел вас снизу. Естественно, попытался поймать ваш взгляд, но вы были чем-то увлечены. Во всяком случае, я рад сообщить, что успешно расшифровал записку.

Сунув руку в карман мундира, он достал клочок бумаги, свернувшийся от купания в спирте. Осторожно развернув его, положил его на кровать, встал на колени и принялся водить пальцем по ряду букв.

АНИ
ТАМА В
АЙ БУДЬ ВО
ДИ НА ВС

– Мистер Лэндор, мне очертить этапы своих умозаключений? – Он не стал дожидаться «да». – Начнем с самой записки. Что мы можем о ней сказать? Она явно носит личный характер. Она была у Лероя Фрая на момент его смерти; из этого мы можем предположить, что записка оказалась веской причиной, чтобы вынудить его той ночью покинуть казарму. Если учесть, что остальная часть записки была вырвана из его руки, мы можем предположить, что она каким-то образом идентифицирует отправителя. Весь текст состоит из довольно примитивных заглавных букв, и это указывает на то, что отправитель пожелал скрыть свою личность. Какой вы-

вод мы можем сделать на основе этих предположений? Могла эта записка быть приглашением? Или нам стоит считать ее ловушкой?

Перед последним словом По сделал паузу. Которая явно свидетельствовала о том, что он получает огромное удовольствие.

– Имея все это в виду, – продолжил кадет, – сосредоточим наше внимание на третьей строчке таинственного обрывка. И получим вознаграждение в виде одного слова, которое нам известно: «будь». В словарном запасе английского языка, мистер Лэндор, мало более простых и более емких по смыслу слов. Оно сразу же, как я считаю, выводит нас на территорию повелительного наклонения. Отправитель требует, чтобы Лерой Фрай был каким-то. Каким? Таким, что начинается с «во». Однако, если мы подставим сюда определения, они не будут согласовываться с пригласительной функцией послания. Нет, если кому-то понадобилось, чтобы Лерой Фрай оказался в определенное время в определенном месте, сюда подходит только одно слово: «вовремя».

Он вытянул вперед руку, словно буквы стояли у него на ладони.

– Итак, мистер Лэндор, два слова: «будь вовремя». Обыкновенная просьба для любого приглашения. Отправитель наверняка хотел, чтобы Лерой Фрай пришел вовремя. Но если посмотреть на третью строчку, учитывая смысл уже найденных двух слов, мы можем сделать вывод, что просьба бы-

ла настоящей. Давайте вспомним, каким еще способом просят человека, чтобы он пришел вовремя? Обычно говорят: «не опаздывай». И теперь у нас есть вся третья строчка: «Не опаздывай, будь вовремя».

Он встал и заходил вокруг кровати.

– Короче, фактор времени играет главную роль. Теперь дальше. Возьмем таинственное «ди». Едва ли это самостоятельное слово, как вышеназванное «будь». Это наверняка последний слог более длинного слова. И если так, нам не понадобится долго искать, чтобы найти подходящий вариант. Пусть Лерой Фрай шел на условленное место, но для отправителя Фрай – вы следите за моей мыслью, мистер Лэндор? – приходил. – Он изобразил манящий жест. – «Приходи», мистер Фрай. «На» вопросов не вызывает, и нам ничего не стоит додумать следующее слово. Что здесь может быть, кроме «встречу»? Мы вставляем это слово, *et voilà*⁴³. «Не опаздывай, будь вовремя. Приходи на встречу». – По хлопнул в ладоши и поклонился. – Вот вам, мистер Лэндор, и разгадка вашей *petit énigme*⁴⁴. С совершеннейшим моим почтением.

Он ждал чего-то – может, аплодисментов? Благодарности? Пушечного салюта? Я же всего лишь взял клочок и улыбнулся.

– О, высший класс, мистер По. Высший класс. От всей души спасибо.

⁴³ И вот (*фр.*).

⁴⁴ Маленькой загадки (*фр.*).

– И вам спасибо, – сказал он, – что предложили мне такое приятное развлечение. – Сев обратно в качалку, закинул одну ногу на подоконник. – Пусть и непродолжительное.

– Нет, это мне было приятно. Честное слово, мне было... Ой, еще кое-что, мистер По.

– Да?

– А с первыми двумя строчками вам тоже сопутствовала удача?

Он взмахнул рукой.

– С ними я ни к чему не пришел, – сказал он. – Ни одного приемлемого варианта. Вынужден признать, мистер Лэндор, что потерпел неудачу с первыми двумя строчками.

– Гм. – Я подошел к прикроватной тумбочке и достал стопку кремовой бумаги и перо. – Позвольте спросить, мистер По, вы умеете писать грамотно?

Он слегка приподнялся.

– Сам преподобный Джон Брэнсби из Сток-Ньюингтона высоко оценил мой дар грамотного писца.

Видите? Нет у него простых «да» и «нет». Все должно быть приукрашено аллюзиями, обращениями к авторитетам... И что это за авторитет – Джон Брэнсби из Сток-Ньюингтона?

– Как я понимаю, вы так и не сделали то, что сделали бы многие из нас, – сказал я.

– А именно?

– Вспомнили бы, что в просторечии «там» часто произно-

сится и пишется как «тама».

По склонился над листом, потом пожал плечами.

– Широко распространенная ошибка, мистер Лэндор. Мой сосед по комнате делает ее раз десять на дню... делал бы, если б сам писал письма.

– Ну, а что, если наш автор записки больше похож на вашего соседа, чем на вас? Что у нас тогда получилось бы? – Я зачеркнул «а» в слове «тама». – Ведь и правда приглашение, а, мистер По? «Встретимся там». Но мы наталкиваемся на следующее слово, не так ли? Начинающееся с «в».

Он задумался, мысленно обкатывая букву. Через несколько секунд не без удивления произнес:

– А это не первая буква слова, это само слово!

– Конечно, предлог «в»! Я бы не удивился, если б дальше следовало точное время: «Встретимся там в одиннадцать вечера», что-то вроде этого.

По мрачно уставился в листок. Он молчал.

– Осталась одна проблема, – сказал я. – Мы всё еще не знаем, где они должны были встретиться, верно? У нас есть всего три буквы – «ани». Любопытная особенность сочетания этих трех букв – уверен, вы тоже это заметили, мистер По, – в том, что они часто образуют окончания слов, которые в начальной форме заканчиваются на мягкий знак. Вы можете назвать место на территории академии, которое оканчивалось бы на «ань»?

Он выглянул в окно, как будто ответ был там – и нашел

его.

– Пристань.

– Пристань! Великолепный выбор, мистер По. Форма этого слова наводит нас на мысль, что нужно добавить предлог «у». Но ведь здесь две пристани, не так ли? И обе охраняются Вторым артиллерийским полком, как я понимаю. Едва ли там можно найти уединение, правда?

По задумался. Глянул на меня раз или два, прежде чем заговорить.

– Там есть пещера, – сказал он. – Недалеко от Северной пристани. Именно туда мистер Хевенс доставляет свой товар.

– Вы имеете в виду, Пэтси доставляет. Значит, укромное местечко. Ваши товарищи-кадеты знают о нем?

Он пожал плечами.

– Любой, кто когда-либо покупал контрабандные пиво или виски, знает.

– Что ж, тогда у нас есть решение нашей маленькой задачи. «В пещере у пристани. Встретимся там в одиннадцать вечера. Не опаздывай, будь вовремя. Приходи на встречу». Пока нам все это вполне подходит. Лерой Фрай получает приглашение. Он не может отказаться. Если верить свидетельским показаниям мистера Стоддарда, он принимает его с легким сердцем. Мы даже можем предположить, что он принял его с радостью. «По нужному делу», – говорит он, исчезая в темноте. Мистер По, вас это наводит на какие-ни-

будь мысли?

Его губы шевельнулись; одна бровь изогнулась дугой.

– По мне, – сказал кадет, – так здесь замешана женщина.

– О. Да, женщина. Очень интересная версия. Естественно, по тому, как написана записка – заглавными печатными буквами, – установить пол отправителя трудно. Не исключено, что Лерой Фрай в тот вечер отправился в путь, уверенный, что его ждет женщина. – Я поднял повыше подушку, откинулся на изголовье и уставился на свои потертые башмаки. – В общем, решение этой проблемы откладываем на другой день. А пока, мистер По, мне трудно... в том смысле, что я искренне благодарен вам за помощь.

Если я ожидал, что он примет мою благодарность и спокойно уйдет... Думаю, вряд ли я такого ожидал.

– Вы знали, – сказал он.

– Что я знал, мистер По?

– Решение задачи. Вы знали всё с самого начала.

– У меня были кое-какие мысли, не более того.

По надолго замолчал, и я даже подумал, что потерял его навсегда. Вряд ли он сможет смириться с тем, что у кого-то что-то получается лучше, чем у него. Ведь он вполне мог обвинить меня в том, что я использовал его ради забавы (а разве не так, Лэндор?). И полностью разорвать наше общение.

На самом же деле он ничего этого не сделал. Подъем к моему окну отнял у него больше сил, чем он хотел показать, поэтому По продолжал тихо сидеть в качалке, ни разу не кач-

нувшись, а на все мои реплики отвечал просто, без ожесточения и без прикрас. Так мы провели час, сначала разговаривая мало, а потом, когда он восстановил силы, все оживленнее обсуждая Лероя Фрая.

Я всегда сожалел о том, что больше всего о мертвых склонны рассказывать люди, меньше всего их знавшие – то есть те, кто познакомился с ними в последние месяцы их жизни. Я считал: чтобы разгадать тайны человека, нужно возвращаться в те дни, когда ему было шесть и когда он обмочил свои штаны, стоя перед директором школы, или когда его рука нашла путь к причинному месту... Мелкий позор ведет нас к большому.

Во всяком случае, единственное, в чем сошлись друзья-кадеты Лероя Фрая, – что он был тихоней и что его приходилось тормошить. Я рассказал По о словах Лафборо: Фрай связался с «плохой компанией», а потом стал искать утешения в религии, и мы задались вопросом, какого рода утешение бедняга искал ночью двадцать пятого октября.

Затем наш разговор повернулся на другие темы... самые разные... Я не назову вам, какие конкретно, потому что примерно в два часа дня я заснул. Странная штука. Вот я сижу и беседую, немного медлительно, но все же разговариваю. И в следующую секунду оказываюсь в погруженной в сумрак комнате – месте, где никогда не бывал. За шторами пролетает то ли летучая мышь, то ли птица; какая-то женщина своей юбкой задевает мой локоть. Костяшками пальцев ощущаю

холодный воздух, что-то щекочет ноздри, с потолка свешивается лиана и, раскачиваясь, чиркает по моей лысине, и это ощущение напоминает прикосновение пальцев.

Я просыпаюсь, судорожно хватая ртом воздух... и вижу, что он все еще наблюдает за мной. Кадет четвертого класса По, к моим услугам. Взгляд выжидающий, как будто я участвовал в розыгрыше или слушал историю.

– Прошу простить меня, – пробормотал я.

– Ничего страшного.

– Даже не знаю...

– Не переживайте, мистер Лэндор, мне самому удастся поспать ночью не более четырех часов. Последствия бывают ужасными. Однажды я заснул прямо на дежурстве, целый час пребывал в сомнамбулическом трансе и едва не выстрелил в другого кадета.

– Что ж, – сказал я, вставая, – надо собираться в путь, пока я сам не начал стрелять в кадетов. Добраться бы до дома засветло...

– Я бы с радостью взглянул на ваш дом.

По говорил беспечным тоном и ни разу не посмотрел на меня. Словно хотел показать: откликнусь я на его просьбу или нет, ему это совершенно безразлично.

– Я был бы счастлив показать его вам, – сказал я, наблюдая, как его лицо проясняется. – А теперь, мистер По, вы избавите старого человека от ненужных волнений, если выйдете отсюда через дверь и спуститесь вниз по лестнице.

Кадет качнулся в качалке и встал.

– Не такого уж и старого, – сказал он.

Теперь настала моя очередь просиять: на щеках появился слабый румянец. Кто бы мог подумать, что я так падок на лесть...

– Вы очень добры, мистер По.

– Вовсе нет.

Я рассчитывал, что он уйдет, но у него были другие планы. Он опять полез в карман мундира. И опять достал клочок бумаги – правильной формы, аккуратно сложенный – и развернул его, открывая на обозрение красивый наклонный почерк. Едва сдерживая дрожь в голосе, сказал:

– Если нам, мистер Лэндор, и в самом деле предстоит искать женщину, я позволю себе изложить свое представление о ней.

– То есть?

Это, как я потом узнал, было одной из его особенностей – то, что, когда он приходил в возбуждение, его голос начинал звучать тише, падая до жужжащего, потрескивающего бормотания, глухого и неразборчивого. Однако тогда я расслышал каждое слово.

– Утром после смерти Лероя Фрая, – сказал По, – до того, как узнал о случившемся, я проснулся и сразу начал записывать строки стихотворения – строки, в которых говорится о таинственной женщине и о неясных, но глубоких страданиях. Вот результат.

Признаюсь, сначала я воспротивился. К тому моменту я достаточно начитался его поэзии, чтобы считать себя невосприимчивым к ней. Но все закончилось тем, что По настоял. И я взял у него листок и стал читать:

Меж черкесских садов благодатных,
У ручья, что испятнан луной,
У ручья, что расколот луной,
Атенийские девы внезапно
Ниц упали одна за одной.
Там скорбела навзрыд Леонора,
Содрогалась от воплей она.
И взяла меня в плен очень скоро
Диких глаз ее голубизна,
Эта бледная голубизна.

– Естественно, оно не закончено, – сказал он. – На данный момент.

– Понятно. – Я протянул ему листок. – А почему вы считаете, что это стихотворение связано с Лероем Фраем?

– Дух скрытого насилия, намек... намек на принуждение. Известная женщина. Да и время написания, мистер Лэндор, точно не случайно.

– Но ведь вы могли проснуться в любое другое утро и написать его.

– О да, но ведь этого не произошло.

– Думал, вы...

– Я в том смысле, что оно было продиктовано.

– Кем?

– Моей матерью.

– Ясно. – В моем голосе явственно слышались отзвуки смеха. – Тогда давайте спросим у вашей матери. Уверен, она сможет пролить свет на причины смерти Лероя Фрая.

Я всегда буду помнить его взгляд. Полный глубочайшего изумления, как будто я забыл какую-то прописную истину.

– Она умерла, мистер Лэндор. Почти семнадцать лет назад.

Повествование Гаса Лэндора

10

1 ноября

– Нет, сюда... Вот так... Еще чуть-чуть... О, как хорошо, Гас... Ммм...

Когда дело касается женской тайны, нет ничего лучше, чем правильное руководство. Я около двадцати лет был женат на женщине, которая в этом плане ограничивалась лишь улыбками. Ну конечно, в чем же еще нуждался мужчина в те дни. Пэтси же, напротив... В общем, она заставляет меня чувствовать себя лет на сорок восемь, чуть-чуть похожим на тех кадетов, которые постоянно страдают по ней. Берет меня за руку. Уверенно, как погонщик на своего мула, садится верхом и вводит меня в себя. В ее движении присутствует нечто от прилива – я имею в виду, нечто, что повторяется вечно. И в то же время она совершенно земная – крупная, с черными волосами на руках, с широкими бедрами, тяжелой грудью, сильными короткими ногами. Когда обнимаешь ее, можно на мгновение почувствовать, что это бедро, этот мягкий и рыхлый живот – все это принадлежит тебе, и никому не дано отнять его. И только в ее глазах – больших, красивых, цвета ириса, – только в них отражается то, что она дер-

жит особняком.

Читатель, признаюсь тебе: Пэтси была той самой причиной, почему я поспешил расстаться с По в воскресенье. Мы с ней договорились встретиться у меня дома в шесть, и она собиралась либо остаться на ночь, либо уйти – в зависимости от того, какое у нее будет настроение. В ту ночь было настроение остаться. Однако часа в три, когда я проснулся, в кровати никого не было. Я лежал при свете ночника, спиной ощущал сбившуюся солому в матрасе и ждал... И очень скоро услышал: «хрысь, хрысь».

К тому моменту, когда я вылез из постели, она уже вычистила золу из камина и, сидя в кухне на краю сделанного из козел стола, надраивала чайник. Надела первое, что попало под руку – мою ночную сорочку, – и в голубоватом свете видневшиеся в вырезе груди были прекраснее звезд. Ну, а сладчайший сосок – да, краше полуночного солнца.

– У тебя кончились дрова, – сказала она. – И щетка вся растрепалась.

– Ты не могла бы оказать мне любезность и оставить это?

– Я уже оставила медные кастрюли. С ними просто беда.

Тебе нужно нанять кого-то.

– Остановись. Прекрати.

– Гас, – сказала Пэтси, повышая голос, чтобы перекрыть скрежет жесткой щетки из конского волоса, – ты так храпишь, что разбудишь и мертвого. Что мне было делать – либо идти домой, либо заняться уборкой. У тебя не дом, а по-

зорище, и ты отлично это знаешь. Не переживай, – добавил она, – я не собираюсь переезжать к тебе.

Пэтси постоянно повторяла этот рефрен: «Гас, я не собираюсь переезжать к тебе». Как будто я этого боялся больше всего на свете, когда, вообще-то, бывают вещи и похуже.

– Пусть тебе нравится жить с пауками и мышами, – сказала она, – но большинство людей предпочитают гнать их прочь. Если б здесь была Амелия...

Еще один рефрен.

– Если б здесь была Амелия, она занималась бы тем же, поверь мне.

Забавно слышать такое от Пэтси; сразу складывается впечатление, будто они с моей женой были старыми товарищами, трудившимися ради общей цели. По идее, мне следовало бы возмутиться, что кто-то зовет Амелию по имени, что кто-то пользуется ее фартуком (час или два каждую неделю или две). Но я не могу избавиться от мысли, что Амелии очень понравилась бы эта молодая женщина – трудолюбивая, уравновешенная и очень деликатная. Пэтси тщательно блюдет свое место, но только один Господь знает, куда она поместила себя относительно меня.

Я вернулся в спальню, нашел табакерку и вернулся на кухню. Ее брови изогнулись, когда она увидела меня.

– Сколько осталось? – спросила она.

Взяла одну щепотку. Ее голова откинулась, когда табачный порошок осел на слизистой носа, и она некоторое время

сидела так, втягивая воздух и длинно выдыхая.

– Гас, я тебе говорила? У тебя закончились сигары. И дымовую трубу надо чистить. А в погреб повадились белки.

Я привалился к стене и стал съезжать вниз, пока не опустился на каменный пол. Эффект был такой же, как от прыжка в озеро. Меня обдало холодом, который быстро поднялся по позвоночнику.

– Пэтси, раз мы не спим...

– Да?

– Расскажи мне о Лерое Фрае.

Она рукой вытерла лоб. В свече свечи я видел бусинки пота на верхней губе, на шее, голубые вены на грудях...

– Ох, я же уже рассказывала о нем! Ты же все слышал.

– Как будто я знаю, о ком из своих ухажеров ты рассказываешь.

– Ну, – она слегка нахмурилась, – рассказывать-то нечего. Он ни разу не сказал мне ни слова, даже когда был возбужден. Ему противно было смотреть на меня, вот как обстояло дело. Приходил по ночам с Моузесом и Тенчем, они рассказывали одни и те же анекдоты, и он каждый раз одинаково смеялся. Пил только пиво. То и дело я замечала, что он наблюдает за мной, а когда видел, что я поймала его на этом, резко дергал головой. Вот так. Как будто кто-то накиннул ему на шею петлю...

Пэтси слишком поздно опомнилась. Ее щетка остановилась. Губы поджались.

– Прости, – сказала она. – Ты понимаешь, о чем я.

– Конечно.

– Я не встречала людей, чтобы краснели так быстро, как он. Может, мне так казалось потому, что у него была светлая кожа...

– Девственник?

Ну и взгляд, которым она меня одарила!..

– Откуда же я знаю? Мужчину же не проверишь. – Помолчала. – Но я смогла бы представить его с коровой. Такой большой, по-матерински доброй, настырной... С огромным выменем.

– Не продолжай, – сказал я. – А то я затоскую по Агари.

Пэтси принялась вытирать чайник полотенцем. Ее рука размеренно двигалась по его округлому боку, и я поймал себя на том, что засмотрелся на эту руку, на кисть, от мыла и трения пошедшую крохотными белесыми неровностями. То была кисть старухи на руке молодой женщины.

– Похоже, в ночь своей смерти Фрай собирался с кем-то встретиться, – сказал я.

– С кем-то?

– С мужчиной, женщиной – мы не знаем.

Не поднимая головы, она сказала:

– И ты собираешься спрашивать у меня, Гас?

– Спрашивать?

– Где я была ночью... Какое это было число?

– Двадцать пятое.

– Двадцать пятое. – Она внимательно посмотрела на меня.

– Нет, я не собирался спрашивать.

– Ладно, ничего страшного. – Опустив глаза, Пэтси стала яростно тереть чайник изнутри, а потом еще раз вытерла лицо и сказала: – Ту ночь я провела у сестры. У нее опять жуткие головные боли, и кто-то должен был оставаться с ее малышом, пока приступ не пройдет, а от ее муженька пользы мало, так что... Вот где я была. – Она сердито покачала головой. – И сейчас мне следовало бы быть там.

Но если бы она была там, ее не было бы здесь, и это означает... что? У нее есть желание рассказать мне, что это означает?

Я взял еще одну щепотку. Голова мгновенно прочистилась. В таком состоянии мужчине самое время делать серьезные заявления, не так ли? В осеннюю ночь, молодой женщине, стоящей всего в пяти футах от него. Но что-то мешало мне, и я понял, что именно, когда в голове возникла картинка: две руки, цепляющиеся за подоконник в моем номере в гостинице Коззенса.

– Пэтси, – сказал я, – что ты знаешь об этом парне, По?

– Об Эдди?

Шок. Услышать, с какой нежностью произносится его уменьшительное имя. Интересно, спросил я себя, кто-нибудь еще называет его так?

– Бедняжка, – сказала Пэтси. – Прекрасные манеры. Красивые пальцы, ты замечал? Говорит, как по книжке, а пьет,

как не в себя. И вот он точно девственник, если хочешь
знать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.